

Исмаил Гасанбейли
Несостоявшаяся смерть

Исмаил Гасанбейли

Несостоявшаяся смерть

«Издательские решения»

Гасанбейли И.

Несостоявшаяся смерть / И. Гасанбейли — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749975-4

Автор рассказывает о тиране, о том, что делает тирана тираном. Тираны становятся тиранами, потому что мы их создаем. Тираны не умирают, потому что мы им не даем умереть.

ISBN 978-5-44-749975-4

© Гасанбейли И.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Несостоявшаяся смерть Исмаил Гасанбейли

© Исмаил Гасанбейли, 2016

Редактор О. Я Верза

Корректор Е. Ю. Гасанова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Он лежал в барокамере в едва ли не самой секретно-престижной клинике планеты в окружении врачей – представителей чужой нации, потоком воспоминаний цепляясь за жизнь и перелистывая ее, словно собственноручно написанную книгу, рассматривая кадр за кадром этот самолично снятый и смонтированный кинофильм, вглядываясь в детали своего существования, как в нарисованную им же картину, и не находя ни сюрпризов, ни шероховатостей, удивлялся собственному гению, мол, господи, как же я смог, как же я пронес через столько времени эту мечту, как прожил эту жизнь, что мне не стыдно ни за одно ее мгновение, а дождь, начавшийся с того дня, как он впал в забытие, все шел и шел.

Ни о какой смерти он и думать не думал, – какая смерть, черт побери, какая смерть, что есть смерть против меня, я сам есть смерть для кого хочешь. Смерть – для смертных, для таких, как я, ее нет и не может быть, она может прийти только по моему приказу, я вечен, как может жить мир без меня – мир есть потому, что есть я.

Он был уверен, что его спасут, как уже спасали множество раз, вытаскивая с того света, – и когда во время тронной речи грохнулся с трибуны, держась за сердце, и падая кричал: «Все нормально, нормально все, мать вашу, не надо меня держать!», а его все же удержали, не дав удариться лицом об острый край длиннющего стола президиума, оказывается, он кричал эти слова внутри себя и никто их не слышал, иначе разве кто-нибудь посмел бы послушаться? И когда на похоронах самого высокопоставленного лица Страны он будто бы в отчаянной горести хотел броситься на гроб, но, споткнувшись, упал прямо в могилу, а могильщики, не удержав, от неожиданности уронили гроб, в котором одних орденов и медалей было на несколько сотен килограммов, прямо на него, пытавшегося все же вылезти из могилы. И когда в далеком, теперь уже никому неведомом детстве провалился под лед посреди реки. И даже когда добирался домой через горы, дезертировав из армии, и наткнулся на разбойников из своей деревни, которые без единого слова всадили в него восемнадцать пуль, чтобы он не смог их выдать. Он не только выжил, но и, выдав разбойников, получил первую свою награду за те восемнадцать всаженных в него пуль и работу в самой секретной конторе за смекалку, так как сумел представить собственное дезертирство как вылазку во вражеский тыл.

Хотя от того места, где его обнаружили, до неприятельских позиций было уж не меньше чем несколько сот километров, да и некоторое водное пространство, в той самой конторе сделали вид, что ему поверили, правда, потом между собой называли не иначе как «своя сволочь». В особую заслугу ему засчитали то обстоятельство, что среди разбойников, список которых он представил конторе, были его отец, два дяди, двоюродный брат, единственный и так и не состоявшийся как близкий человек друг детства и муж троюродной сестры.

Со временем именно это обстоятельство навело ужас на его сослуживцев, вчерашних рабочих и крестьян, так и не переборовших в себе ненужные предрассудки, оно же позволило сделать ему такую карьеру, что уже через несколько лет он сумел уничтожить не только все документы, наводящие тень на его безупречную биографию, но и всех, кто что-либо знал или мог знать о его прошлом, так что получалось, что он только родившись, сразу устроился на работу в контору и параллельно поступил в университет по направлению с места трудовой деятельности.

Рассказывать о своих родителях он не любил и при необходимости обозначал их в анкетах как сельских тружеников. Со временем, когда стало можно и даже модно иметь родителей-интеллигентов, говорил, что отец его был директором сельской школы, а мать – учительницей, и так как из деревни, где он родился, а также из близлежащих к ней деревень почти никого в живых не осталось, да и самих деревень уже не было в помине, подтвердить или опро-

вергнуть его высказывания было некому, да и если бы и было кому, то никто просто не рискнул бы, настолько высоко он к тому времени взлетел.

Лежа в барокамере, он ничего не вспоминал: вспоминать было не в его правилах, строил планы, жил только будущим. Да и что вспоминать – ни одно событие, ни один человек не стоил того, чтобы он о них помнил, людей и события выбрасывал из памяти как нечто использованное и уже не нужное, к тому же никакой другой правды, кроме той, что принадлежала ему, на свете не было и быть не могло.

Случай, когда он упал в могилу, имел продолжение. Это был поступок, который нельзя было не заметить или оставить без внимания. Его ведь не сразу смогли вытащить, гроб зацепился за край могилы, пришлось пригнать технику, подъемный кран, но и тут возникли трудности: покойника едва не вывалили из гроба, понадобилась масса времени, чтобы расширить могилу, и он все это время лежал под тяжеленным гробом, как сейчас в барокамере, между жизнью и смертью, и когда через несколько часов его все же достали, был весь ломан-переломан, едва дышал, но знал, что выиграл. Злые языки поговаривали, что он умышленно упал в могилу в знак протеста: не его назначили председателем комиссии по организации похорон, вот и упал. Он же был уверен, что на самом деле споткнулся, но так или иначе вариантов в отношении него никаких быть не могло, его падение наблюдала чуть ли не вся планета, и оно должно было обернуться возвышением. Его действительно повысили, сделав одним из больших начальников Страны, но он-то знал, что должен был стать Самым Большим начальником, и никого более достойного на это место, кроме себя, не видел.

Тогда он был Главным начальником на Острове, где и готовил себе трамплин для прыжка. Остров называл своей Малой родиной, хотя к нему не в каком смысле особого отношения не имел – туда он был всего лишь направлен, как в те времена водилось, для борьбы с негативными явлениями. А так как таких явлений ему удалось выявить множество, еще обратить в негативное явление все местное начальство, то его и оставили здесь Главным.

А плодотворная идея пришла ему в голову, когда один из больших руководителей, маразматик из старой гвардии, слово которого для его карьеры могло иметь немаловажное значение, погостив у него несколько дней под видом деловой поездки, перед отлетом в Столицу отозвал его в сторону и спросил: «Слушай, что это мне подавали за столом, ничего вкуснее не пробовал – такое мягкое мясо, лучшей еды не придумаешь. Пришли мне немного, думаю, ребятам тоже понравится».

Под «ребятами» имелся в виду Клуб Больших начальников, которые были могущественны не только все вместе, но и каждый в отдельности. Выяснив, что гостя потчевали бычьими яйцами, он приказал вырезать все бычье поголовье Острова и через неделю переправил в Столицу двадцать семь рефрижераторных вагонов с желаемой продукцией. А когда выяснилось, что коровы не способны без быков не только производить потомство, но и давать молоко, то есть держать коров теперь совершенно бессмысленно, он вырезал и коров, перенеся все животноводство страны на бумагу, что оказалось делом значительно более простым и оцениваемым, ведь бумажное животноводство не нуждалось ни в том, чтобы животных кормили и поили, ни в том, чтобы за ними убирали, и даже ни в том, чтобы их доили.

Все эти операции производились на бумаге, Страна получала показатели, он – почет и уважение в виде переходящих вымпелов, волки были сыты, овцы – целы. Правда, с овцами тоже длилось недолго: их, а далее и птиц, рыбу, всю возможную живность постепенно и для чистоты эксперимента тоже перевели на бумагу, тут даже удалось обойтись без всяких яиц. Впоследствии он задним числом жалел, что в те времена не было компьютеров – если бы они были, не пришлось бы тратить и столько бумаги на изображение показателей.

Его организаторские способности и умение руководить были замечены на самом верху, и в скором времени он был с повышением переведен в Столицу. Но незадолго до этого решил провести эксперимент и на людях и бросил клич засадить Остров мандрагорой. Это было

не первым опытом, проводимым им над народом Малой родины, который изначально ему не особо приглянулся из-за своенравного, на его взгляд, характера и от которого он как-то внутренне, на подсознательном уровне пытался абстрагироваться, хотя и любил специфической любовью, обращенной больше к самому себе, чем к объекту любви, то есть он любил себя во главе этого народа, или, по-другому, народ, во главе которого стоял он сам.

Его отношение к народу, с которым его связывала плоть и кровь, в определенной мере граничило со страхом, в чем он себе никогда не признавался. Но иногда перед сном, оставаясь с собой один на один и оставляя свои заботы за покровом ночи, чувствовал, как ему на глаза наворачиваются предательские слезы беспомощности. Это было беспомощность перед всего лишь гипотетической угрозой со стороны тех, кого он давно и, на его взгляд, безвозвратно скрутил в бараний рог, лишив возможности самостоятельно мыслить. Ведь в отношении народа для себя он решил все вопросы, вырезав на его поле все мало-мальски пахнущие цветы. Никто не мог знать лучше, что нужно, как необходимо поступать. Он знал все, и вся эта толпа, называемая народом, была всего лишь безмолвной массой из пустозвонов, которую следовало облечь в удобоваримую форму, чтобы эти неблагодарные твари были хоть на что-то способны, кроме ковыряющих их внутренности пустых амбиций, из-за которых им плохо спалось, и только он мог наладить их сон, к тому же от них требовалось немного, только спать и пахать, делать, что говорят, точнее то, что говорит он.

В подобных мыслях утверждала его вся предыдущая жизнь; весь его опыт свидетельствовал о том, что все, о чем болтают писатели, поэты, ученые, всякая оторванная от жизни, ни фига ни в чем не мыслящая пафосная шваль, – чушь собачья и гроша ломанного не стоит, народ – пластилин, из которого можно лепить все, что угодно – хоть дерьмо лепи, возражать не будет, если все хорошенько продумать. И когда один из молодых министров, к которому он как-то совершенно случайно по пути в один из дальних регионов заезжал для отправления малой нужды и задержался на обед, увидев, в какой роскоши «гноит» свою драгоценную жизнь этот слуга народа, на следующий день попросился к нему и, с собачьей преданностью глядя в глаза, сказал, мол, не поверите, но супруга видела во сне, как вы пришли к нам в гости один, без свиты, и даже остались ночевать, он, вспомнив красавицу-жену министра, на которую вроде бы бросил быстрый, ничего не подразумевающий взгляд человека, мысли которого заняты совершенно другими делами, сказал в расчете на то, что министр взорвется в гнев: ты тоже не поверишь, и я тоже видел сон, что твоя жена пришла ко мне в кабинет одна и осталась ночевать. Сказал, чувствуя, как его внутренности сжимает страх, знакомый с того времени, когда встретил в горах своих родственников, но министр, расплывшись в улыбке, самой мерзкой из всех увиденных им к тому времени улыбок, воскликнул: «Да она уже здесь!» Министра он выгнал вместе с женой, даже чуть было в тюрьму не посадил, но опомнился, подумав, что такие люди – лучший материал, чтобы лепить, а случай воспринял как урок.

А что, если народ будет состоять из таких людей, тем более, народ больше болтает, чем делает, все у него – честь и совесть, а на самом деле понятия не имеет, что такое честь, а что – совесть, пусть выпустит кто-нибудь из этих честных и совестливых свою жену или дочь после восьми вечера на улицу, пусть оставит кто-то из них кошельки с деньгами на каком-нибудь прилавке, да даже у входа в храм, посмотрим, что тогда будет, а кого боитесь, кругом же все такие честные и совестливые, все же ваши сородичи, односельчане, сограждане, земляки, родственники, кого боитесь, если себя боитесь, то так и скажите, что чушь все это: и честь, и совесть. Этот министр хоть признается, хоть понимает, что и честь, и совесть – всего лишь товар, можешь продавать, покупать, использовать. Зачем этот пафос, а если себя успокаиваете, то так и скажите.

И если один может отказаться от чего-то, то это может сделать всякий, – размышляя таким образом и имея в виду молодого министра, он все больше убеждался, что чувства, подобные чести и совести, делают человека несгибаемым, как своего рода каркас, стержень, и если

его лишить этих чувств, то он станет более податливым материалом. Его мучил лишь вопрос, как это сделать – не будешь же по одному ломать миллионы людей, жизни не хватит. И тогда он начал вселенскую борьбу с коррупцией, борьбу, на которой крупными буквами на всех языках и алфавитах всех времен и народов было начертано, выбито, вдолблено, выжжено, выскоблено слово «борьба», чтобы все знали, чтобы раз и навсегда, И никого не щадил, всех стриг подчистую до седьмого колена. Расписывал во всех газетах, показывал по всем телевизорам и клеймил позором тех, кто выносил из мясокомбината кусок колбасы, чтобы не сдохнуть с голоду, и тех, кто переоформил на себя ювелирную фабрику, и тех, кто добываемую государством нефть качал в собственные карманы, и даже не испугался тех, кто присвоил национальную безопасность, включая экологическую, экономическую и продовольственную.

И в один прекрасный день не осталось в поле его зрения ни одного коррупционера. Все как один были повержены, посажены в тюрьмы, уничтожены, но цель оказалась пустой, хоть его и наградили кучей всяких медалей и орденов, почетных грамот, знамен, сделали лауреатом массы всевозможных премий, о нем сняли фильмы, поставили спектакли, но тот, кто должен был оценить это действо, то есть пресловутый народ, так и не оценил, не понял, не осознал... Все оказалось бессмысленным, весь громадный труд насмарку, не вышло, ничего не сделаешь, не получается из этого народа трамплин. О неблагодарности людей он догадывался давно, еще когда провел по всему Острову воду, чуть ли не в каждый дом, каждый двор, потратил столько сил, энергии, одарил водой всех, кто, может быть, никогда на это не надеялся, а когда приехал к ним в надежде услышать в свой адрес хоть одно-единственное доброе слово, тем более заслуживал, еще как заслуживал, то ему сказали, мол, спасибо за воду, конечно, век ее ждем, у всех соседей уже давно из всех кранов горячая вода течет, у нас наконец хоть холодная появилась, спасибо большое, ничего, что лично вам на это понадобилось семнадцать лет, все равно благодарны, но скажите, когда же к нашим домам проведут канализацию, а то раньше мы топтались в твердых нечистотах, а теперь, когда есть вода, барахтаемся в жидких.

Душа его тогда отвернулась от этих людей, он даже не нашел что сказать. Правду говорят, палец покажешь, руку сожрут по локоть. Пусть бы гнили себе, еще и всякие слухи пускают обо мне, думал он, лежа в барокамере, хорошо бы побыстрее выбраться отсюда, напортачат без меня там, опять же совершенно не задумываясь о смерти: был уверен, что вытащат, ведь вытащили же, когда он запретил вывоз овощей на рынок, чтобы все как один вышли копать мандрагору, и разъяренные крестьяне, догнав его машину вместе с эскортом, вывалили на них сто пятьдесят восемь грузовиков свежего редиса, сорок три грузовика помидоров и шестьдесят восемь многотонных рефрижераторов зелени, огурцов, баклажанов, чеснока, зеленого лука, винограда и инжира, да так, что никто ни за что бы не догадался, что под этой горой из фруктов и овощей могут находиться люди.

Хорошо, что один из сопровождающих его министров, на восьмой день их пребывания под подгнивающей массой каким-то чудом добравшись до рации сквозь смесь овощей и фруктов, сумел сообщить о случившемся компетентным органам, которым понадобилось всего три дня, чтобы их вызволить. За эти одиннадцать дней крестьяне успели беспрепятственно вывезти весь урожай овощей и фруктов. Ему же удалось даже это обстоятельство обернуть себе на пользу, записав весь вывезенный урожай в счет государственных поставок, но прежде он наградил спасшего всех министра высшим орденом, так как им оказался министр здоровья, и назначил его еще и министром связи.

Крестьян-злоумышленников тогда так и не нашли, оказалось, что все они были в масках, а на их машинах стояли поддельные номера, а вся его свита и вся резиденция долго пахли свежей, но слегка подгнившей зеленью. Чтобы в дальнейшем подобные вещи не повторились, он запретил всякую работу на личных участках, а когда запрет не помог и люди умудрились выращивать фрукты и овощи на крышах и даже на подоконниках своих домов, издал указ об использовании всех без исключения крыш и подоконников для выращивания мандрагоры.

В результате многим даже не приходилось выходить из дома, чтобы копать этот диковинный корнеплод, можно было это делать, почти не вставая с постели.

Но ландшафт и климат Острова были такими, что невозможно было сажать мандрагору везде и всюду, оставались места, непригодные для ее выращивания, а голь-то на выдумки хитра, и люди нагло пытались использовать эти земли под овощи и фрукты. Какая-то война получалась, ей-богу, откуда столько напористости, кто их подговаривал, кто подсказывал, он так и не смог тогда выяснить, но сделал такой ход, что одним ударом всех заткнул за пояс, перекрыл всем кислород, очередным указом отвел все оставшиеся пустыми земли, кроме государственных трасс и железных дорог, под виноградники.

Конфронтация с народом его вовсе не радовала, но и любви никак не мог дожидаться. Народ попался упрямый, совершенно не желал быть им очарованным, все иронизировал над его проектами, анекдоты о нем сочинял, слухи продолжал распускать, выращивал и выкапывал мандрагору и собирал виноград только по принуждению, да и вообще вел себя, как заправский оппозиционер.

На самом деле в то время у него большего противника, чем собственный народ, не было, и он не мог понять, как это так получилось. В любви же нуждался, и нуждался очень остро, большое начальство его ценило, сажало в президиумы, в пример приводило, разрешало фотографироваться рядом с собой, но все это было не то или не совсем то.

Главное понял незадолго, буквально лет за шесть-семь, до попадания в дурацкую барокамеру, когда из уст одного телевизионного деятеля услышал откровения по поводу того, что снятие с себя всевозможных обязательств перед людьми, местом, где родился, родителями и даже собственными детьми делает человека свободным, возводит его над толпой. В том деятеле он тут же узрел нужного себе человека, но и в словах его нашел значительно больше смысла, чем тот в них вкладывал. Он понял: чтобы быть над людьми, властвовать по-настоящему, надо освободиться от оболочки, которая делает тебя обычным человеком. И обнаружил к своей догадке множество подсказок чуть ли не во всем, что его окружало. В дальнейшем эти подсказки находил, вспоминая когда-то услышанные или прочитанные сказки и мифы. Не зря же столько внимания в человеческой истории уделяется всевозможным темным силам. Да, как правило, они преподносятся как нечто негативное, нехорошее, иногда и вовсе как абсолютное зло, но это, скорее всего, для толпы, массы, для управляемых. А для таких, как он, тут явно заложен иной смысл. Сбросив с себя – внутри себя, конечно, – путы всевозможных условностей вроде добропорядочности, оставив потребление тех же чести и совести толпе, более того, сделав эти понятия главенствующими для нее, да и для тех, кто возомнил себя патриотом, интеллигентом, оппозиционером или кем-то там еще, можно получить качественно другую силу, качественно другое превосходство.

В последние годы он так и действовал. Негласно, безо всяких приказов-указов и особых распоряжений добился того, что все радиоприемники, телевизоры, газеты, журналы, книги, храмы, учебные заведения, даже нелегальные игорные и публичные дома призывали людей к честности и совестливости, порядочности и патриотизму. Организовал такую рекламную кампанию этим понятиям, что имей он характер послабее, и сам бы в них поверил. Власть призывала людей быть правдивыми, служить истине, бороться с коррупцией и несправедливостью. Но как только кто-нибудь, приняв все за чистую монету, начинал или пытался начать делать что-то серьезное, то тут же становился объектом разработок спецслужб. На этого человека быстро собирался компромат – а по старой своей работе он был уверен, что компромат можно собрать на кого угодно, даже на ангелов божьих. Если же возникали какие-нибудь трудности – ну не делал человек в жизни ничего плохого – то компромат просто придумывали. Не делал и не делал, в конце концов такого субъекта можно обвинить в ничегонеделании, например. Далее механизм был отлажен им самим лично до мельчайших подробностей. Человек объявлялся в зависимости от ситуации коррупционером, клеветником, плохим семьянином, раз-

вратником во всех возможных разновидностях. Кем угодно, лишь бы заткнулся окончательно. Вообще-то он никогда не останавливался ни перед чем, что внутри себя называл условностями. Хотя и к своей гениальной, на его взгляд, догадке пришел будучи более чем взрослым, действовал соответствующе в той или иной мере достаточно давно. Когда баллотировался на пост Главного на Острове, рассказывал на предвыборных встречах с избирателями о своей бедности несмотря на высокие государственные посты, которые прошел, намекал на свое бескорыстие, говорил о том, что у него нет своей квартиры и вынужден жить у сестры, что уже сколько лет ходит в одном и том же костюме, хотя располагал семью квартирами и тремя домами и ходил исключительно в одежде, сшитой известными кутюрье, при этом тут же упрекая своего конкурента в том, что тот к своим преклонным годам так и не смог обзавестись собственным жильем.

Глаза он не открывал и не пытался. Даже не знал, сумеет ли открыть, если захочет, никаких физических сил не ощущал, но и необходимости в этом не чувствовал, казалось, что взял своеобразный отпуск от всех земных дел и, находясь в этой малопонятной сигарообразной коробочке, называемой барокамерой, витает над собственной судьбой, да и над судьбами всего человечества, оценивая оглядывая земной шар, собирает фактуру для будущих весьма и весьма важных решений. Полагал, что все те, кто остался там, в жизни обычной, его отсутствие так и воспринимают. И если бы знал, что ушлые журналисты уже раз двадцать пять его хоронили, придумали его завещание и даже несколько вариантов опубликовали, разбил бы к чертям всю эту аппаратуру, одним телефонным звонком всех расставил по местам, заткнул бы всем рты. Правда, пока еще никто не осмеливался открыто предрекать, кто займет его должность, но всевозможные слухи все же ходили. То один, то другой из его приближенных объявлялся преемником, но каждый, о ком пытались заговорить как о возможном наследнике демократического трона, шарахался от подобных предположений как черт от ладана.

Он считал себя тактиком, в стратегии, особенно долгосрочной, не видел никакого смысла, исходя из недолговечности отпущенного человеку срока жизни. Хотя лично себя подсознательно считал если не бессмертным, то уж точно вечным. Однажды во времена пика своей карьеры на Малой родине, когда он правил народом Острова во имя Страны, на одном совещании один ученый – человек очень неординарный, известный своим несочетающимся с его регалиями веселым нравом и самостоятельностью мышления – сказал, что надо думать о будущем, что мы не вечны, наши потомки нам не простят ошибок, которые мы допускаем в отношении природы, вырубая вековые леса, загрязняя землю гербицидами-пестицидами, море – отходами нефтяной промышленности, а воздух – ядами, выдыхаемыми химическими предприятиями. В результате дети рождаются с дефектами, сокращается продолжительность жизни населения, вот лет через пятьсот кто-нибудь из наших праправнуков с проклятием вспомнит тех, кто сегодня правит страной, за то наследство, что мы им оставляем. По большому счету, ученый ничего особенного не сказал, тогда негласно разрешалось говорить о любых проблемах в каком угодно ключе, ругать кого угодно вплоть до главы правительства, не позволялось критиковать только Самого, и эта речь могла быть воспринята нормально, как одна из многих. Но тут встала женщина, руководитель местной железной дороги, и тихим, но твердым голосом, постепенно переходящим в истерику, сказала: вы полагаете, что через пятьсот лет нашего Главного не будет? Он будет всегда, нам, да и всему миру без него не жить. Он тогда впервые, правда, ненадолго, задумался о смерти, не в общем, а в конкретном смысле, о том, что его когда-то может не быть, и, быстро отогнав эту мысль, решил наказать ученого за то, что тот сеет пессимистические настроения. Но для начала приблизил его к себе, даже подружился с ним на долгие шесть лет до такой степени, что все кругом поверили в их дружбу. Близость с ученым оказалось делом необременительным, тот был по-настоящему совестливым человеком, а если исключить матерщину, которой разбавлял свою речь время от времени, то даже интеллигентом, никогда ничего не просил, да и никаким не был пессимистом, скорее балагуром, а по отношению к собственной жизни и вовсе, как ныне говорят, пофигистом. Ученый был

опасен лишь тем, что не терпел лжи в отношении серьезных вопросов вроде науки, политики – буквально не переваривал ее ни в себе, ни в других, хотя мог время от времени приврать, например, о своих похождениях в молодости, изображая из себя бабника и рубаху-парня. Ко всему прочему, он был искренне любим народом как национальный герой, хотя о своих военных подвигах не распространялся, а когда спрашивали, мог свести разговор к шутке или рассказать какую-нибудь байку. У него было своеобразное увлечение, которое принесло ему немалую славу: занимаясь в свободное время исследованиями причин землетрясений и цунами, он добился таких успехов, точно предсказав несколько широкомасштабных катастроф в разных точках земного шара не выходя из собственного кабинета, что во многих странах, находящихся в сейсмической зоне, был признан чуть ли не пророком.

Надо сказать, что в общении ученый был довольно-таки деликатным человеком, если и пытался давать советы, то преподносил их просто, как нечто обычное, само собой разумеющееся, а не как открытие, самые удачные свои мысли мог приписать собеседнику, и он в общении с ним черпал многое, даже почти забыл, с какой целью приблизил его к себе. Но однажды ученый прочитал ему стихи собственного сочинения, прочитал тихо, на него не глядя, как будто для себя.

На моей Родине
идут соревнования по смеху —
кто громче засмеется.
На моей Родине
идут соревнования по сгибанию спин —
кто ниже согнется.
Соревнования идут по продаже —
кто дороже продается.
По сну —
кто глубже заснет.
По ругательствам соревнуются
на моей Родине —
кто грязнее ругнется.
И по высказываниям —
кто сильнее скажет.
По плачу —
кто горше заплачет.
На моей Родине
идут соревнования по умиранию.

Сразу после того, как прозвучали стихи, он, извинившись, вышел в другой кабинет, позвал своих головорезов и отдал приказ о ликвидации ученого. Потом пригласил того в ресторан, расположенный в живописном месте города, откуда открывался изумительный вид на море и где у него был свой кабинет, который никому другому не мог быть представлен, и уже там, в ресторане, после пары рюмок крепкого заморского напитка, буквально признался ученому в любви, сказал, что у него никогда не было такого друга, и жаль, что они так поздно встретились, в общем, наговорил много такого. Говорил и восхищался собой, что может так, запросто, говорить с человеком, которого только что приговорил. Ученый воспринимал его слова как должное, и это его еще раз убедило, что принял правильное решение. Если бы тот хотя бы удивился или на худой конец ответил бы тем же, он, конечно, не стал бы отзываться приказ, но, может быть, немного пожалел бы.

Ученого убили той же ночью, банально пырнув ножом в сонную артерию у собственного подъезда, когда тот полупьяный вышел из лимузина своего высокопоставленного друга и по домофону объяснялся в любви жене, с которой прожил без малого сорок лет. Все произошло легко, нож был острым, а исполнитель – профессионалом и дело свое знал, ученый сразу и не заметил, что его убили, почувствовал только укус, жена впоследствии вспоминала, что услышала, как муж вскрикнул, но не придавала этому значения, так как тот, вскрикнув, продолжал свои объяснения в любви. Она же его обнаружила минут через двадцать после этого, мертвого, истекшего кровью, когда, не дождавшись мужа, спустилась за ним вниз. Рядом с ним на асфальте кровью было выведено одно слово: «Он», о чем она и рассказала журналистам. Но потом экспертиза доказала, что никакого слова там не было, просто кровь растеклась так, что напоминала слово. На следующий день после сороковин жена ученого покончила с собой тремя выстрелами в затылок, предварительно убив комнатную собачонку редкой иноземной породы.

Страна долго бурлила и возмущалась, но он, взяв расследование убийства ученого под свой личный контроль, быстро поставил точку на всяких недомолвках. К тому же буквально на четвертый день после того, как на похоронах он поклялся отомстить тому, кто посмел поднять руку на его друга, убийцу нашли. Злоумышленником оказался аспирант, работавший под руководством ученого. Тот во всем признался, объяснив свой поступок черной завистью, которую испытывал к своему учителю.

Теперь, когда между ним и тем миром, который создал собственными руками, кроме расстояния, времени, людей, проблем со здоровьем и многого другого стояли еще и стены барокамеры и он все же ощущал нечто подобное бессилию, его уверенность, что жизнь свою построил правильно, только укреплялась. Наблюдая за тем, что было прожито и проделано, как бы с птичьего полета, он все больше убеждался в абсолютной верности принятых им когда-то решений, включая те, которые меняли направления жизненного пути целого народа, и ни на йоту не сомневался, что имей он возможность возглавить человечество как Высочайший Вождь, о чем, будучи реалистом, да и за отсутствием такой должности, никогда не мечтал, то поступал бы так же, как поступал со своим народом. Есть высшая цель, которой должно быть подчинено все. Правда, ему еще ни разу даже в мыслях не удавалось сформулировать эту цель, придать ей словесную оболочку, но был уверен, что лучше него этого никто не знает. И в молодости, когда пытался бороться с собственными многочисленными комплексами, и во времена, когда ему удалось дойти до мысли о том, что нужно с себя все ненужное скинуть, все его существо восставало против той слабости, которая связывала ему руки, заставляла пребывать буквально в постоянном плену страха и которую недооценивал, не понимая сути скрытой в ней мощи, он частенько задумывался о цели. Несколько абстрактно, конечно, не до конца сознавая направление своих мыслей. В сущности, эта цель обрела более или менее четкие очертания, когда у него родился сын, который, по мнению врачей, еще в чреве матери заразился какой-то гадостью и должен был вырасти в карлика.

Им с женой предложили даже не забирать его из больницы, оставить на государственном попечении. Конечно, они отказались, да и не поверили, что такое может случиться именно с ними. Особенно не поверил он, ведь с той самой встречи с родственниками в горах жизнь его была расписана как по нотам, в ней все происходило так, как он планировал. Даже когда, решив обзавестись семьей, попросился за советом на прием к своему высокому начальнику, был уверен в положительном ответе. Начальник действительно не стал его отговаривать, лишь посоветовал быть серьезнее при выборе в таком деле, как создание семьи. Что бы тот ни имел в виду, совет этот подвиг его на серьезные размышления. Девушка, с которой он тогда встречался, была из обычной семьи, да и сама была самой обычной, хотя и довольно-таки милой, мало что о нем знала, особо и не интересовалась, была на десять лет его младше, соответствующе себя и вела. К ней он относился с симпатией, по-своему даже любил, наверное, но,

побывав у начальника, в корне изменил свое отношение к женитьбе, поняв, что здесь можно некоторые вещи совместить. Из барокамеры те времена казались бесконечно далекими, а он тогдашний ему нынешнему – несколько наивным, но он не мог не отдать должное собственной сообразительности многолетней давности, когда пришел к единственному, на его взгляд, правильному выводу, что все есть ресурс.

С девушкой вскоре порвал, поиски спутницы жизни привели его в одно из престижных учебных заведений, которое он курировал. Быстро определившись с объектами, благо под рукой были личные дела и преподавателей, и студентов, остановился на дочери одного весьма и весьма высокопоставленного и заслуженного деятеля. Девушка оказалась на удивление умненькой, совсем не испорченной родительским положением в социальной иерархии, еще и имела приятную наружность, даже несколько излишняя полнота была ей к лицу. Со знакомством все прошло без сучка и задоринки, буквально на третий день после первой встречи он объявил о серьезности своих намерений, родителям девушки тоже, как говорится, показался. Будучи интеллигентными людьми, они не стали интересоваться его родом-племенем, к тому же в те времена работа в особой организации многие вопросы исключала. Не стало помехой и то, что девушка училась только на втором курсе и пришлось рождение первого ребенка отложить до лучших времен. И когда у них родился карлик, он испытал потрясение, сравнимое с тем, что пережил, когда его же родственники одну за другой всаживали в него восемнадцать пуль. Это было несправедливо. Он этого никак не заслуживал. Рождение сына-карлика будто оголило его, открыло миру его потаенную суть. У него появилось нечто, что невозможно было скрыть. И чем выше он поднимался по карьерной лестнице, тем шире становился круг людей, кто знал о том, что сын у него – карлик.

Следующим ребенком у них с женой оказалась дочь, которая росла на редкость красивой и сообразительной, но врачи строго-настрого рекомендовали его жене больше не иметь детей под страхом летального исхода. У нее роды были очень тяжелыми, особенно первые – карлик родился уж больно крупным. По обоюдному согласию было решено остановиться на дочери, к которой он быстро привязался и на которую переключил все свое отцовское внимание. Ему пришлось смириться с тем, что единственным его наследником стал карлик. К сыну относился несколько отстраненно, почти не воспринимал, в глубине души надеялся, что тот не доживет до того возраста, когда его надо будет выводить на улицу, показывать людям и то, что ребенок не такой, как другие, станет слишком заметно. Остальные члены семьи, включая бабушку, дедушку и многочисленных родственников со стороны жены, в ущербном ребенке души не чаяли, карлик был всеобщим любимцем, хотя с возрастом в нем проявлялись и элементы некоторого скудоумия.

Никто и никогда – ни близкие, ни посторонние – не заводили с ним разговоров по поводу сына, точнее, о его недостатке, чаще говорили лестные слова, мол, какой умный растет, какой смелый, а глаза какие красивые. Он понимал, что посторонние всего-навсего желали польстить его самолюбию, а близкие пытались помочь. Что странно, ему подобные разговоры нравились, хотя обычно воспринимал их молча, без особых слов благодарности, разве что мог кивнуть головой, видимо, таким образом хоть что-то противопоставляя тому, что сидело у него внутри и терзало его сущность. В семье он с годами становился все немногословнее, хотя в высоких кругах страны так же с годами прослыл великолепным оратором, ему такая оценка льстила, он действительно умел говорить и этим выигрывал на фоне своих коллег, большинство которых без бумажки не могли и двух слов связать. Иногда экспериментировал, заставляя себя говорить перед каким-нибудь собранием определенное количество минут на пустопорожнюю тему, даже ставил перед собой часы на трибуне, чтобы фиксировать время. С тех пор у него это вошло в привычку, и, будучи уже достаточно большим начальником, на совещаниях ставил перед собой часы, что производило на подчиненных огромное впечатление.

Он рано понял истинное значение лести, относясь к ней не только как к инструменту, с помощью которого у больших начальников можно было «выбивать» всевозможные блага и, что было не менее важным, расположение. Лстить он мог часами, и в минуты, когда славословил в адрес какого-нибудь престарелого туполоба, мысленно отстранялся от самого себя, при этом не знал никаких ограничений. Эту форму лести он хоть и поощрял, но ставил не так высоко, полагая, что такая лесть слишком примитивна и не всегда продуктивна. Сам в свое время использовал множество ее разновидностей. Эффективность лести, как уяснил для себя на собственном опыте, напрямую зависит от огромного числа обстоятельств, включающих время, место, присутствие определенных лиц, настроение человека, к которому она обращена, в общем, тут нужно быть мастером, иначе можно и попасть впросак, получить обратный результат. Когда впервые польстили ему самому, и польстили слишком уж откровенно, может быть, даже грубо, он почувствовал внутри слабенькое, но раздражение. Как человек деятельный, он тогда был далек от всяких кабинетных игр, не потому что не хотел играть, просто было не с кем и не во что, и первая лесть разбудила в нем новые чувства и мысли. Он подумал о своей реакции и пришел к выводу, что лесть все же ему понравилась, и раз ему, человеку столь холодному и рассудительному, понравилась, то она может нравиться многим и, следовательно, можно использовать ее как действенный инструмент. Подумал о человеке, который ему польстил, зачем это ему понадобилось, только ли затем, что ему что-то было нужно, или тот таким образом выказывал свою лояльность к нему, подтверждал согласие со своим подчиненным положением, выставлял шею, как побежденное животное выставляет горло перед победителем. Ведь можно и делать вид, что ты побежден, пока слаб и немощен, для того чтобы в нужный момент, набравшись сил, вцепиться в кадык, заставить вчерашнего победителя опуститься на колени.

Вся эта философия о лести ему показалась чрезвычайно полезной, и он долго экспериментировал со своими начальниками и подчиненными, шлифуя ее возможности. Взял за правило никогда не сообщать руководству плохие вести, не говорить начальникам о проблемах, и так их приучил, что очень скоро все его начальники связывали с его персоной только положительные эмоции, он стал для них источником позитивной энергии, некоторые из руководителей приглашали его просто так, чтобы подзарядиться светлыми перспективами, которые он рисовал, некоторые из них, может быть, даже большинство, осознавали, что слова, которые им произносятся, всего лишь слова, но уже не могли без них. Со временем он подобные же слова произносил, выступая перед громадными толпами людей на площадях, и получал тот же эффект, что и с руководителями. От подчиненных добивался абсолютной лояльности. Слова лести от них воспринимал хладнокровно, четко различая, зачем и для чего они произносятся. И когда однажды один из министров, человек немолодой, по виду благообразный, можно сказать, даже солидный, вопреки всем местным традициям, предписывающим мужчинам гордость и непреклонность, нагнувшись, поцеловал ему руку, не стал возражать – как-то так получилось, что и руку не отдернул, лишь мельком подумал о своей правоте в отношении низости человеческой натуры. Так как случай этот произошел в присутствии многих высокопоставленных людей, то в скором времени большинство его подчиненных превратили целование его руки в ритуал, любое совещание начиналось с того, что он вставал у своего кресла, с протянутой вперед рукой, а подчиненные подходили и по очереди ее целовали.

Исключение делалось только для женщины, которая все время пребывания его на высоких должностях находилась рядом с ним, выполняя обязанности секретаря, и была сборником справочной информации, записной книжкой, памяткой на все случаи, официанткой, няней и многим другим в одном лице. Она наблюдала за теми, кто и как целует руку, кто проявляет усердие, кто выполняет это как повинность, а кто вовсе делает вид, что целует. У другой женщины, министра по туризму, привилегия заключалась в том, что она подходила к руке первая и имела право на произнесение пары ничего не значащих фраз. Этой привилегией она поль-

зовалась весьма виртуозно, вкладывая то ли в свой голос, то ли в слова, то ли в сам поцелуй едва уловимые нотки, которые его в какой-то мере возбуждали, как бы он ни пытался оставаться холодным. В эти минуты у него на лице появлялось некое подобие тщательно скрываемой улыбки, ему хотелось продлить эти приятные мгновения. Странно, что никакого влечения к этой женщине он не испытывал, значение для него имели именно конкретные моменты. Оставаясь один, он ругал себя за слабость, неоднократно хотел даже уволить женщину-министра, но всякий раз что-то его останавливало, может быть то, что в его жизни ничего подобного не было.

Среди его министров был человек, для которого целование руки выглядело двусмысленным действием. В свое время, будучи одним из его ближайших соратников, тот был удостоен доверия параллельно выдвинувшись на высочайшую должность, чтобы отобрать голоса у оппонирующей стороны. Но не выдержал испытания, обнаружив (да и свора политтехнологов его в этом убедила), что со своим рейтингом сам может по-настоящему претендовать на место начальника, и стал вести самостоятельную предвыборную кампанию. И был немедленно объявлен представителем сексуальных меньшинств, о чем раструбили все средства массовой информации, включая лояльные, оппозиционные, зарубежные, электронные и даже многотиражные, и хотя быстро понял и осознал свою ошибку, ему не забыли его «забывчивости». Печать гомосексуалиста, несмотря на свои шестьдесят восемь лет и наличие девяти детей, двадцати одного внука и трех правнуков, министр все еще нес на себе, хотя уже и мало кто помнил те времена, когда все это с ним случилось, многие его сторонились, а среди настоящих представителей сексуальных меньшинств министр имел репутацию настоящего демократа, из-за чего во многих международных кругах к его мнению прислушивались. Так вот, из-за бывшего соратника во время процедуры целования случались конфузы, иногда министр сам не знал, как себя вести, а иногда он, забыв, что сам в свое время приказал объявить того гомосексуалистом, брезгливо убирал руку. Никто, конечно, не смел смеяться, но все же ситуация выглядела забавной, что было недопустимо, и он подумывал, как бы от того помягче избавиться.

Процедура целования не допускалась только в присутствии иностранцев, для них ритуал встречи подчиненных с ним был почти демократическим, они подходили к нему так же по очереди с папкой подмышкой, слегка опустив головы, жали ему руку. Целование руки он воспринимал как лакмусовую бумажку, которая выявляла в подчиненных уровень лояльности, верности и надежности. Ему доносили, что некоторые из его министров сами практикуют процедуру целования со своими подчиненными, но он особого значения этому не придавал, прощал как некую компенсацию, справедливо полагая, что лояльные и верные к лояльным и верным будут лояльны и верны и непосредственно ему.

Особенно рьяно его прославляли на пышных Национальных посиделках, проводимых раз в пять лет, на которых присутствовали лучшие представители нации, живущие в том числе и за рубежом. Кроме нескольких тысяч делегатов приглашалось множество иностранных гостей. Посиделки начинались бесплатной раздачей портфелей с его изображением на лицевой стороне и полным собранием его сочинений внутри. Портфели были высокого качества, из очень хорошей кожи. Их раздавали всем приглашенным и безо всякой очереди, и раздача обычно сопровождалась давкой, в которую включались и представители иностранных государств, некоторым удавалось получить по несколько портфелей, но нередко уже в первые дни Посиделок можно было видеть участников с перебинтованными головами, загипсованными конечностями и даже в инвалидных колясках. Заканчивались же Посиделки коллективным фотографированием участников с Главным начальником, не всех, конечно, а лучших из лучших, которые подбирались его ближайшими помощниками. Среди определенного контингента фотографироваться рядом с Самим считалось делом престижным, и предприимчивые помощники усекли, что тут можно неплохо заработать, фотографирование довольно быстро было коммерциализировано. Места в разных рядах стоили по-разному, лучшие из лучших были

людьми небедными и особо не скупилась, платили по высшему разряду, он обо всем этом был осведомлен, но не препятствовал, ему даже нравилось, что соотечественники таким образом выражают к нему свою любовь. Случались, правда, и казусы, иногда даже трагические. Непосредственно перед фотографированием начиналась борьба за лучшие позиции, доходившая до рукоприкладства. Иностранные гости обожали наблюдать эти моменты, они фотографировали и снимали их на видеокамеры, чтобы показать домочадцам (правда, раздачу портфелей не снимали из соображений политической корректности), многие из них ради этих зрелищ и стремились проникнуть на Национальные посиделки. Однажды во время драки за право встать поближе к нему чуть ли не половина претендентов были искалечены. Ведь в здание, где проводились Посиделки, из соображений демократии полицию не пускали, а спецслужбы не вмешивались в подобные инциденты. Жертвы были серьезными, семеро участников получили ранения, несовместимые с жизнью, тридцать восемь лучших представителей нации стали инвалидами, семьдесят два человека были так изуродованы, что не смогли предстать перед объективом, впоследствии более ста делегатов обратились за психологической помощью. С того времени помощники старались не допускать драк, в том числе и во время раздачи портфелей, но потасовки время от времени случались, и Посиделки были известны еще и инцидентами, которые со временем стали частью и без того богатой культуры нации. Свою роль сыграла и находка фотографа, которому было обидно, что он единственный из организаторов не имеет от фотографирования никакой выгоды, хотя и выполняет основную задачу. Пока фотограф занимался техническими вопросами, устанавливал аппаратуру, налаживал свет, искал лучший ракурс, другие делили деньги, что, естественно, ему не нравилось. Тогда тот придумал свое дело: договаривался с участниками, желающими иметь фотографии, где они рядом с Самим, снимал их в другое время, но в том же помещении, где делалась заключительная фотография, в середину композиции ставил своего приятеля подходящей комплекции, на место которого потом монтировал изображение Самого. Многих участников это вполне устраивало, тем более отличить, где настоящая, а где поддельная фотография, было почти невозможно.

Национальные посиделки в основном и запоминались раздачей портфелей и фотографированием, хотя именно на них он выступал с так называемым посланием к народу. Задолго до этого запускалась широкая рекламная кампания, привлекающая внимание к Посиделкам, как к чуть ли не самому главному событию в жизни страны, к возможному содержанию послания, программному документу, который определит судьбу народа на ближайший год, хотя сам он про себя называл свое послание не иначе как «посылание всех на фиг». В основном его выступления и составляли содержание Национальных посиделок, традиционно начинавшихся с благодарственной речи в его адрес, произносимой Главным академиком Академии научных рассуждений. Затем глава правительства зачитывал поздравление, а председатель парламента – Обращение Самого к участникам Посиделок. После этого к трибуне выходил Сам, выходил не сразу, сначала самый старший по возрасту участник объявлял о его выступлении, только потом, выждав ровно пятнадцать минут, пока утихнут рукоплескания, по часам, которые в обязательном порядке ставили перед ним, он выходил к трибуне, поднимал правую руку, останавливая бурные рукоплескания, успевшие за пятнадцать минут перейти в овацию, начинал свое выступление. Основное время его речи занимало объяснение сути зачитанного Обращения. Это могло продолжаться от нескольких часов до нескольких дней, в процессе объяснения никто из зала не выходил. Здесь для долгих сидений – но не для сна, было предусмотрено все. Он иногда отлучался по естественной нужде, и этого времени участникам хватало, чтобы успеть перекусить, покурить, побывать в искусно вделанных в стены зала местах общего пользования, некоторым удавалось даже вздремнуть и побриться.

Говорил он в основном о демократии, начинал Речь этим словом, и заканчивал им же. Суть всего сказанного можно было свести к мысли, что наша демократия была, есть и будет демократичнее всех демократий. Большая часть населения данный постулат не особо пони-

мала, чужестранцам же очень нравилось, что он так высоко ставит демократию, и многие лидеры государств устоявшейся демократии ставили его в пример другим, менее демократичным руководителям.

К мероприятиям вроде Посиделок он относился своеобразно. Считал, что их должно быть много и на них обязательно должны присутствовать иностранцы, по сути, для них эти мероприятия и проводились. К ним долго и основательно готовились, награждали особыми эпитетами вроде «мировые», «вселенские», «уникальные», трубили о них на весь свет, кроме целого министерства по их подготовке существовал еще штат специалистов, занимавшихся в том числе подбором и приглашением известных людей – политиков, журналистов, писателей, военачальников, деятелей искусства, которых обхаживали как могли. Проводились эти мероприятия пышно, с пафосными выступлениями, обязательным угощением черной икрой и высококачественными алкогольными напитками и раздачей участникам подарков, в первую очередь великолепно оформленного семитомника его сочинений, в котором все страницы перемежались отличной тоненькой бумагой с водяными знаками в виде его изображений. На время проведения подобных торжеств, да и задолго до их начала жизнь страны текла по утвержденному им самим сценарию – перекрывались дороги, все газеты писали об одном и том же, все каналы телевидения демонстрировали события, связанные с торжествами, на это время по его указанию даже о нем самом меньше говорили. Но на следующий же день после мероприятия поступал негласный приказ забыть все. Он это называл «не жить вчерашним днем», вслух говорил, что он, как демократический лидер, не имеет права останавливаться на достигнутом, все, что сделано – прошлое, думать и действовать же нужно во имя будущего, этого от нас требует, и требует настоятельно, судьба нашей демократии. Про себя, в своих внутренних рассуждениях демократию особо не жаловал, иногда, в моменты раздражения, переделывал слово «демократия» в разные неприличные выражения, а по большому счету относился к ней, как относился к религии, – надо так надо.

Однажды, в трудные для всех и для него лично времена, когда Страна оказалась на грани распада из-за перманентных мятежей и внутренних и внешних войн, он, выступая перед огромной толпой в далекой провинции, сказал: «Демократия – наша цель. Но мы будем строить диктатуру», и стал держать паузу. В те годы слово «демократия» имело для многих едва ли не сакральное значение, это потом ему удалось исказить как слово, так и понятие демократии, да так, что люди забыли, какой смысл в него когда-то вкладывали. Тогда же горячих голов, готовых идти на смерть за демократию, было довольно много, а в толпе в силу обстоятельств находилось немало вооруженных людей, но он все же рискнул и выдержал паузу до конца, до того момента, когда некоторые, не вынеся напряжения, сначала загалдели, а затем и вовсе начали щелкать затворами автоматов, кто-то даже выстрелил в воздух. Еще немного, и ситуация вышла бы из-под контроля, и только после того, как автоматная очередь прошла небо, не оставляя на нем следов, но отдаваясь в его сердце и мозгах далекими событиями, оставившими на его теле восемнадцать маленьких шрамов, он поднял правую руку, приглашая собравшихся к спокойствию и продолжил: «...диктатуру закона, самого справедливого, самого демократичного в мире закона», и произнес слово «закон» так, что оно прозвучало с большой буквы. Через секунду толпа, только что готовая растерзать его, разразилась овациями. Никто не догадывался и не мог догадаться, что таким образом он боролся со своим страхом, въевшимся в его плоть и кровь, делающим его одновременно сильным и слабым.

В другой раз, во время поимки очередного мятежника – бывшего полицейского, известного в свое время предельной жестокостью в обращении с задержанными, а с наступлением всеобщей демократии надевшего на себя либеральные одежды и взявшегося освободить одну из местных этнических групп численностью в девятьсот семнадцать человек, включая детей из национально-смешанных семей, ему пришлось здорово попереживать и потрудиться. Сама этническая группа никаких действий не предпринимала, но и возражений против своего осво-

бождения не имела. Мятежный полицейский наобещал ей добиться того, что именно она, как самый интеллигентный этнос, будет государствообразующим народом, по поводу численности она не должна волноваться, многие просто не знают, что по национальности принадлежат к ней, а когда она освободится и выберет мятежника своим предводителем, они поймут и вернуться в ее лоно, кроме того, впервые самоопределившись, она создаст международный прецедент, открыв дорогу в светлое будущее угнетенным народам Земли, и это принесет ей всемирную славу. В общем, намутил воды порядочно, хотя как человек ничего из себя не представлял – как только его вернули на прежнюю службу, параллельно накинув внеочередное звание, тут же забыл о свободе. Но это случилось потом, тогда же нужно было объяснить толпе, в чем дело, почему, что и как, да и не известно, на что тот тип опирался, нужно было выиграть время, пока соответствующие службы занимались поиском мятежника.

Оглядывая из барокамеры площадь, на которой тогда собралась чуть ли не вся округа, он невольно улыбнулся. Улыбка не отразилась на лице, хотя и озарила его суть, прибавив силы для будущих свершений, к которым он себя продолжал готовить. Тогда же ему, чтобы спасти положение, пришлось перед той толпой, добрую треть которой составляли его осведомители, выступать в течение трех с половиной суток. Сразу оценив положение, он приказал установить передвижную трибуну, специально сооруженную и полностью компьютеризированную лучшими специалистами военно-промышленного комплекса, в которую было вмонтировано все необходимое для автономного и безопасного существования одной персоны в течение четырех месяцев, хотя со стороны она выглядела как обычная трибуна. В первый день выступления толпа была заморожена и внимала каждому его слову. На второй день она пыталась понять, что же он хочет сказать. На третий день, когда к площади начали подтягиваться продавцы семечек, а затем и продуктов питания и прохладительных напитков, дальше и владельцы биотуалетов, начала проявлять признаки беспокойства. Он все говорил, время от времени объявлял технические перерывы, уходил в трибуну, чтобы поесть, попить, передохнуть, отправлять естественные надобности, а заодно, связавшись с секретными службами, узнавать результаты поиска мятежника, которого обязательно нужно было предъявить толпе, иначе ситуация могла бы выйти из-под контроля. Но службы тогда подкачали, мятежник словно сквозь землю провалился, и ему приходилось вновь и вновь продолжать свое выступление. К вечеру третьего дня его уже мало кто слушал, люди что-то обсуждали между собой, одни зевали, а некоторые даже дремали, сидя на корточках, а он чувствовал, как все тот же страх возвращается, и уже подумывал, не нажать ли кнопку на трибуне для экстренного вызова военного вертолета с группой специального назначения, при этом продолжал говорить. На рассвете четвертого дня люди быстро собрались и ушли, оставив его в недоумении и наедине с совсем уж немощными стариками, детьми, которых домой было звать некому, так как их родители были среди толпы, и деревенскими сумасшедшими и с его же осведомителями. Но не прошло и получаса, как толпа вернулась с мятежником, у которого руки и ноги были связаны, бросила его к трибуне и ушла, забрав с собой стариков и детей. На этот раз вместе с толпой ушли и осведомители, которые так и не вернулись и которых затем так и не нашли. Он не стал сходить с трибуны, говорил еще полдня, теперь уже перед сумасшедшими и мятежником, которые слушали его очень внимательно, и только после этого вызвал вертолет.

С религией отношения у него складывались по иному, но лишь немногим. В период первого своего восхождения по велению Самой Главной организации он за две недели сумел не только закрыть, но и физически стереть с лица земли тысячу двести семнадцать больших и маленьких храмов – почти все, оставил лишь один, здание которого как памятник древнего зодчества охранялось Объединенными нациями, и за это был удостоен переходящим одноцветным знаменем, которое впоследствии, в годы своей опалы, пришлось сжечь. Когда же положение изменилось и религиозность на государственном уровне стала считаться добродетелью, построил громадный храм, назначил его служителям зарплату, уступающую

по величине только зарплате полицейских, создал на базе университета, где когда-то учился, самую крупную в мире Академию духовных устремлений, оснащенную передовым оборудованием, заслужил таким образом абсолютное одобрение среди богобоязненных сограждан, но и этим не ограничился, при первой же возможности отправившись в паломничество за тридевять земель в сопровождении сотни журналистов, в том числе телевизионщиков, которые в режиме реального времени транслировали каждый его шаг по всем возможным телеканалам мира и Всемирной Паутине посредством космических спутников, а в его собственной стране на время паломничества все средства массовой информации, включая сельские и школьные радиоточки, передавали одну и ту же новость – как он, облачившись в белоснежные одежды и воздевая руки к небу, обходит главную святыню, вслух умоляя всевышнего быть снисходительным к его многострадальному народу. Что он думал в это время, так и осталось неизвестным, ни с кем на этот счет никогда не делился, но после паломничества его рейтинг среди определенной части населения поднялся до заоблачных высот, а оппозиция, которую он и без того ни во что не ставил, окончательно сникла, и уже никогда не смогла прийти в себя.

Он обожал свое публичное положение, ему нравилось быть на виду. Любил давать интервью, но только телевидению, и всегда ставил условие, чтобы ничего из интервью не вырезали, поэтому передачи получались долгими, на несколько часов; часто выступал на всевозможных совещаниях, в обязательном порядке транслируемых вживую, но больше всего ему доставляло удовольствие снимать с должности или наказывать высоких чиновников в прямом эфире – знал, что для подчиненных это было огромным наказанием. Однажды во время заседания парламента, не обращая внимания на то, что выступал сам председатель, встал со своего места в президиуме, окликнул по имени Главного по государственной и национальной безопасности (в свое время он сам настоял на том, чтобы служба так называлась, считая, что государственное и национальное – понятия абсолютно разные и их нужно объединить в интересах народа), приказал выйти на сцену и, глядя тому прямо в зрачки немигающими глазами, в течение сорока семи минут предъявлял обвинение в государственной измене, остановившись только тогда, когда чиновник, который слыл неуязвимым, не смея отводить взгляд и поняв, что с ним покончено, завел руки себе за спину в ожидании наручников. Но его не стали сажать, просто отправили работать учителем в среднюю школу без права занимать должность классного руководителя. Тот был рад такому исходу и в моменты откровения шепотом рассказывал жене, как долго длились те сорок семь минут и как страшны были глаза человека, вбивающего в него слова обвинения как старые, уже не раз использованные, ржавые гвозди. После этого случая генеральный прокурор слег с обширным инфарктом миокарда, верховный судья тронулся умом и, уже находясь в диспансере для психически больных, попросился в отставку, а председатель парламента так и не сумел сойти с трибуны: когда о нем вспомнили, оказалось, что тот уже мертв. Точных данных о потерях среди других чиновников нет, но известно, что было много заболевших и умерших среди простых рабочих и крестьян. По тем же причинам ли они умерли и заболели, что и высоко- и не очень высокопоставленные чиновники, так никому и не удалось выяснить. Председателя похоронили с почестями как погибшего при выполнении служебного задания, назначив его семье пожизненную персональную пенсию. Выплачивали ее только в течение первых трех месяцев после похорон, но семья не стала добиваться дальнейших выплат.

Странно, что ему, привыкшему мыслить и действовать масштабно, по крайней мере не меньше, чем в масштабе собственной жизни, барокамера не казалась тесной. Возможно, врачи, считавшие, что он находится в глубокой коме, отчасти были правы, но это была кома особого рода. В надежде поддержать органы жизнедеятельности, попросту говоря, в ожидании ухода, его кормили через кровь, в его состоянии ориентировались посредством огромного количества самой передовой в мире аппаратуры, показаниям которой в этой клинике безогово-

рочно доверяли – до такой степени, что если бы он, вопреки этим показаниям, открыв однажды глаза, сообщил о своем возвращении к нормальной жизни, ему бы не поверили. И наоборот, если бы компьютеры показали, что с ним все нормально, его бы тут же объявили здоровым. Никто с ним не пытался разговаривать, он же слышал все, что происходило вокруг него. Иногда ему хотелось хорошенько поесть. Чаще всего мечтал о любимом своем блюде, толстом куске телятины, но не молодой, а такой, что вот-вот должна стать говядиной, о мясе животного, которое еще не бычок, но уже и не теленок, хорошо проперченном и обжаренном на небольшом количестве масла и недолгое время, так, чтобы ни одной капельки сока не вытекло, а затем запеченном в духовке столько, сколько нужно, ни секундой больше, ни секундой меньше, посоленным в самом конце, за три минуты до того момента, как блюдо будет готово, и поданном на большой тарелке безо всяких изысков, только со свежими овощами – нарезанными ломтиками помидорами и огурцами, с совсем небольшим количеством любимого им гранатового соуса, буквально чуть-чуть, так, чтобы мясо в него можно было только макать, и с бокалом красного вина, того, которое специально для него изготавливали в закрытых цехах из особого сорта винограда и которое благоухало так, как не пахло ни одно вино в мире.

В год, когда его привлекли к работе в секретной организации, Страна во всем масштабе переживала очередную волну охоты на инакомыслящих, среди которых было много обыкновенных дегенератов. Выявлением опасных для государства лиц занимались верные режиму, но малограмотные люди, успевшие получить лишь минимальное образование, а то и без оно, которым инакомыслием представлялось все непонятное, и, естественно, определение инакомыслия производилось с соответствующих «колоколен». У этого процесса была и обратная, вовсе непредсказуемая сторона, которую никто не планировал и о которой он частенько задумывался. Подвергаемые репрессиям посредственности, всевозможные графоманы, возмнившие себя философами, поэтами, писателями, банальные шизофреники, заявлявшие, что они ученые в самых различных сферах науки, неудавшиеся маляры, считающие себя художниками-авангардистами, оказавшись в тюрьме, ссылке или выдворенными за границу, объявлялись гениями. Конечно, не всем везло, но со многими подобные казусы случались, а гнили в концентрационных лагерях как раз таланты, которые просто не знали, как о себе заявить. И он пришел к выводу, что политика Страны в отношении инакомыслящих была абсолютно верной. От того что этих дегенератов за граница поддерживала, страна ничего не теряла. Сколько бы «там» ни говорили о достоинствах этих «гениев», сколько бы ни отмечали их заслуги перед человечеством всевозможными международными премиями, любому здравомыслящему человеку с первого взгляда должно быть ясно, что эти люди ничего из себя не представляют и ничего путного не заслуживают. А что таланты гибнут, то и это на пользу, поменьше будет смутьянов, желающих взбаламутить народ.

Со временем эти идеи были им усовершенствованы, особенно широко он развернулся, когда стал Главным на Острове, налево и направо поощрял графоманов от самых разных сфер науки, литературы, искусства, одновременно подавляя любые искорки малейшей способности к чему-либо, – даже из рабочих выбирал самых никчемных, чтобы объявить Отличниками второстепенного труда. Добился, что в стране инакомыслие просто исчезло, и за это заслужил от Главного секретного руководителя Страны, отвечающего за чистоту помыслов, державное «хорошо», которое перекрывало любые ордена и медали, переходящие знамена, денежные премии, и, может быть, как раз и послужило трамплином для его вознесения. Страна была устроена так, что карьерный рост мог быть только постепенным. В отсутствие сословных ограничений бюрократический аппарат защищал свою чистоту всеми доступными ему способами, никакой талант не позволял проскакивать к власти напрямую, в результате достичь высокого положения можно было только к преклонным годам, в то же время если человек «попадал в струю», «вставал на рельсы», то гарантированно становился обитателем властного олимпа.

Многими давно уже похороненный, он казался себе более чем живым, и если бы ему сказали, что самые лучшие доктора планеты, имеющие репутацию мировых светил в медицинской науке, на него попросту махнули рукой и только создают вид бурной деятельности по возвращению его к жизни, он бы не поверил. Закрытый в барокамере, в полной изоляции от мирских забот, шума, прикосновений, любви, переживаний, колебаний воздуха, он переживал свой звездный час, когда много-много лет назад, перед приездом Самого Большого начальника Страны приказал углубить дно моря у самого берега, чтобы очередная гордость Острова в виде Блуждающей буровой установки, махина с площадью в несколько квадратных километров и в добрую сотню метров высотой, могла встать у самого бульвара. И она встала. Никто ничего не понимал, люди в недоумении ходили по Набережной улице, переживая за любимое место отдыха. Установка закрыла бульвар от солнца, и тень от нее была похожа на сумерки. Пенсионеры, проводившие свои дни за игрой в шахматы, шашки, домино, молодые люди, игравшие здесь в теннис, лишились своих развлечений и ждали, чем все это кончится. А кончилось тем, что по его просьбе специально провозимый мимо бульвара высокий гость приказал остановить машину, вылез из нее с помощью немалочисленных телохранителей, шаркающей старческой походкой приблизился к установке на расстояние в несколько десятков метров, так чтобы можно было охватить взглядом весь агрегат, и произнес заветное «хорошо», тут же развернулся и двинулся обратно к машине, но это уже было не важно. Главное слово было сказано, и в то же мгновение в глубинах Вселенной воссияла новая звезда, а там, в Столице, в Клубе Больших начальников, выдавшие виды старцы, давно переставшие воспринимать что-либо в обход призмы власти, осознали: их полку прибыло. Установку сразу же убрали, а место, где она стояла, буквально с того же дня стало излюбленным местом самоубийц, что было удобно и для тех, кто занимался вопросами суицидов: не надо было их искать по всему городу, снимать трупы с петель, отдирать от асфальта фрагменты останков у высотных зданий, собирать в черные полиэтиленовые мешки обугленные тела или искать утопленников по всему морю. Здесь было глубоко, и свойство местности было таково, что желающему срочно отбыть в мир иной не приходилось прилагать особых усилий: прыгнул в воду, и все – дно само притягивало тело к себе.

Но эти удобства оказались недолговечными: все чаще стало штормить, а спустя несколько месяцев море вовсе начало уходить, оставляя за собой обнаженное дно, покрытое нечистотами, полиэтиленовыми пакетами, рыбьими и человеческими скелетами, а напротив места, где стояла Резиденция Главного начальника, обнаружился подводный бункер, соединенный с ней подводным тоннелем, который надолго стал городской достопримечательностью. Как ни пытались его замаскировать, вываливая сверху тысячи и тысячи кубометров плодородной земли, снятой с субтропической зоны Острова, чтобы разбить над бункером сквер, и тем самым отвлечь внимание от секретного объекта, ничего не получалось: дождавшись удобного момента, море вновь возвращалось и одной большой волной уносило всю набросанную землю. Не возвращалось оно лишь на место, вырытое для Блуждающей буровой установки и зияющее, как незаживающая рана.

Самый Большой начальник погостил всего пару дней, но за это время успел показать свое расположение к нему, называл его при людях уменьшительным именем, правда, иногда путая со своим давно умершим фронтовым товарищем, что вызывало у свиты умиление.

Согласно легенде, Страна возникла когда-то как средоточие Большой Энергии, вырвавшейся из Большой Идеи. Но то ли идея была изначально ущербной, то ли энергии хватило лишь на несколько десятков лет, но территория Страны начала заболачиваться – то в одном месте, то в другом появлялась трясина. Процесс не обошел и людей, вирус пораженчества, задев сначала тех, кто руководил Страной, разошелся вовсю и гулял по ней, как по собственным владениям. Против него так никакой вакцины и не нашли. Болезнь имела странные симптомы: у больных

подгибались ноги, тянуло встать на колени, когда на самом деле по всем медицинским показателям с ногами все было в порядке, дальше вирус задевал голову и, таким образом, лишал организм управления.

Рассказывали, что когда-то давно Страну возглавлял сильный человек и вроде бы вокруг него были собраны не менее сильные люди, объединенные Идеей. Задумали они Большое Дело, а когда ты занят Большим Делом, твой бездумно фанатичный вид, напоминающий состояние транса, вызывает у окружающих если не восхищение, то трепет. Ведь Большое Дело есть не у всех, такое дело даже придумать непросто, не то что делать. Но со временем Идея начала иссыхать, Дело пошло как-то не так, а может, было не то, да и человек оказался недостаточно сильным (или недостаточно умным), но руководить сильными людьми стало ему не по плечу. Нельзя сказать, что те не хотели подчиняться – нет, они были очень даже дисциплинированными, просто имели свое мнение и не всегда с ним соглашались. И он от них потихонечку избавился, одних сослал, других поубивал, третьих подчинил, четвертых выгнал, пятых объявил умалишенными. Оставил только тех, кто согласился быть слабее его. Но люди все равно были нужны, и тот собрал вокруг себя более покладистых и менее сильных. И когда он умер, выбирать пришлось из тех, кто был в его окружении, то есть из тех, кто был слабее его. Тот, которого выбрали Самым Большим, думал так же, как и предыдущий, и, чтобы легче было руководить, разогнал тех, кто был ему равным по силе, приблизив к себе людей послабее. Те, кто приходили к власти после него, поступали точно так же, и через несколько поколений во главе Страны стояли чуть ли не одни медные лбы, живущие отдельной от народа жизнью. И когда во власть случайно попадал человек, обладающий хоть какими-то проблесками силы и ума, он был вынужден тщательно скрывать свои достоинства, чтобы не выделяться в серой массе посредственностей, занятых кто чем: коллекционированием редких марок, автомобилей, охотничьих трофеев, молочных зубов, самых крупных бриллиантов, жен, павлиньих перьев, кабаньих пятаков, высоких государственных наград самых разных стран, организацией собственных юбилеев, спортивных мероприятий в собственную честь, похорон, ликвидацией последствий природных катастроф, находились такие, кто собирал космические путешествия.

Похожее, по преданию, происходило и с самой Страной. Когда она была заморожена Идеей, люди крепили духом, наливались силой, присущей тем, кто несет в себе знание чего-то особенного. Страна планировала большие задачи и именно такие лица ею были востребованы, когда же она заболела и население потеряло ориентиры, худшие стали считаться лучшими, черное – белым, а белого и вовсе не стало, а то, что оно было заменено на серое, никто не заметил. Новые болота дурно пахли, и люди начали отворачиваться от земли и уходили кто куда, а в основном просто в себя. Так как нет худа без добра, то заодно и выяснилось, что в людях особой нужды и нет, и никто им не стал препятствовать.

С болотизацией боролись отчаянно, забрасывая особо опасные места трупами политических заключенных, и таким образом параллельно решая две задачи: останавливали болота, – а они, когда в них бросали трупы, на самом деле на какое-то время останавливались, может быть, для того, чтобы переварить их, – и избавлялись от трупов, которых девать все равно было некуда.

Чудесным образом болотные испарения не оказывали никакого воздействия на трубы, по которым Страна гнала сырую нефть за границу, и железные дороги, по которым везли вырученные за нее деньги (спустя годы таким же чудесным образом война обходила важные объекты, вроде публичных домов, самодельных нефтеперерабатывающих установок и заводов по производству стали и алюминия, и это никого не удивляло). Какое-то время бурно развивался туризм, многие приезжали из разных, иногда из самых дальних стран, чтобы хоть бы краешком глаза посмотреть на бескрайние болота, хоть один раз вдохнуть их вонь. Одни сравнивали эти болота со своими, другие прибывали за опытом, вооруженные соответствующим записывающим и запоминающим снаряжением, как бы такие же соорудить у себя или

наоборот, как бы такое не допустить, но все ходили, цокали языками, поражаясь масштабам разложения. Постепенно интерес был удовлетворен и иссяк, и дальше Страна долго гнила в одиночестве.

Когда он начал работать в секретной организации, болотизация только-только начиналась, но была заметна лишь тем, кто пытался смотреть в корень и кому было дано видеть. Такие люди же вели себя по-разному, многие просто молчали, чтобы не вносить диссонанс в ладно звучащую симфонию царившего в стране единодушия, были такие, кто что-то говорил, а некоторые и вовсе кричали, призывая одуматься, пока не поздно, и начать сушить почву, оздоравливать землю, принять хоть какие-нибудь меры, чтобы локализовать болезнь. Сначала их никто не слышал, а когда разобрались, что они кричат, не нашли ничего лучшего, чем заткнуть им рты, что удалось довольно-таки легко – по традиции одних объявили врагами, других героями, третьих записали в сумасшедшие, а иных – в ведьмы с дальнейшим сожжением на костре. Справились со всеми, но от этого болот меньше не стало. Тогда все только начиналось, и на фоне огромных просторов болота не были особо видны, поэтому власть, разумно рассудив, что на ее век здоровых земель хватит, махнула на них рукой.

Страна имела еще одну почему-то очень стойкую особенность – ее правители пользовались услугами весьма и весьма специфически мудрых советников, которые в своих предсказаниях всегда оказывались правы, но на очень короткое время. Например, могли сказать, что в ближайшее время землетрясения не будет, а когда землетрясение случалось через три дня, то с гордостью заявляли: говоря «в ближайшее время», мы и имели в виду эти три дня. Советники эти пользовались большим уважением, хотя и занимали несколько отстраненную позицию по отношению к генеральной линии Самой Главной организации. Они могли безнаказанно критиковать, высказывать свое иногда существенно отличающееся от общепринятого мнение, при этом регулярно удостоивались всевозможных премий, государственных наград в области искусства, литературы, науки, что вполне объяснимо, ведь советники выполняли роль жрецов – подмастерьев пророков. Пророками выступали сами правители, раз в несколько лет излагающие пространные программы, которыми должна была руководствоваться Страна. А советники своими вроде бы революционными высказываниями готовили людей к правильному восприятию программ, имеющих универсальный характер: здесь расписывалась процедура жизни всех и каждого, в них можно было найти ответы на все вопросы – от политических до кулинарных, их цитировали в повседневной жизни, по ним гадали, пытаясь заглянуть в прошлое и определить будущее, на их основе сочиняли романы, поэмы, по ним защищали диссертации и обрастали учеными званиями, определяли время сева зерновых и уборки урожая корнеплодов, на них ссылались даже влюбленные в частной переписке, считалось модным использовать выдержки из них в качестве эпиграфов к философским эссе и особенно к стихам. Вроде бы всех такое положение вещей устраивало (точно утверждать это, конечно, невозможно, так как никого не спрашивали), а с болотным запахом смирились, тем более что говорить о болотизации было объявлено дурным тоном. Новые поколения вовсе полагали, что Страна географически всегда состояла из болот, и особо не беспокоились, к тому же молодежь другого запаха, кроме болотного, и не знала, так что воспринимала его как самый что ни на есть нормальный.

Он находился среди тех, кому было доверено, кто своим ежедневным трудом должен был мирным путем противостоять наступлению болот. К трупам он отношения не имел, занимаясь, как это называлось в их организации, текучкой, выявлял дегенератов, мешающих строить светлое будущее. Надо сказать, что в этом вопросе он весьма преуспел, да так, что его все чаще отправляли на ответственные задания, а однажды руководитель организации лично поручил ему присматривать за своими коллегами, мол, враг не дремлет и может завестись где угодно. Правда, через некоторое время этому же начальнику его усердие не понравилось, особенно когда он письменно, в форме рапорта, поделился с ним своими наблюдениями в отношении соратников. Прочитав рапорт, тот отстранил его от оперативной работы, выделил каби-

нет в самом глухом углу здания, в бывшей комнате для кучеров, где не было ни одного окна, и поручил заниматься канцелярскими делами, иначе говоря, попросту переключать бумаги с места на место. Спустя три десятка лет тот руководитель покончил жизнь самоубийством и не оставил предсмертной записки, что привело ко всяким пересудам. Люди не верили, что такой сильный человек в самом расцвете сил мог безо всякой на то причины покончить с собой. Но нашелся преподаватель университета, время от времени печатавшийся в различных изданиях по проблемам истории Самой Главной организации, который подвел под самоубийство доказательную базу, объяснив это внутренними психологическими проблемами покойного, собрал свидетельства очевидцев – родственников, друзей, любовниц, просто приятелей, знающих его давно, большинство которых к тому времени за разные преступления находились в заключении, и те подтвердили его догадки. Дальше уже журналисты подхватили идею и развили так, что ни у кого никаких сомнений не осталось.

Страх же, который он почувствовал после отстранения его от выполнения основных обязанностей, был настолько сильным, что и через многие годы, оказавшись в опале, он сравнивал свое состояние только с тем периодом жизни, когда, сидя в глухом кабинете, прислушивался к каждому шороху в ожидании, что за ним придут. Никто не приходил, не заходил, не вызывал, видимо, сговорившись, товарищи по работе образовали вокруг него вакуум, и когда понял, что опасности как таковой нет, успокоился. Он не нуждался в общении, ему достаточно было общения внутри себя. Но однажды утром, когда направлялся к себе в кабинет, один из пожилых сотрудников, о котором в своем рапорте он отзывался особенно нелицеприятно, неожиданно тепло поздоровавшись с ним, попросил «не в службу, а в дружбу» сходить за папиросами. Он не без удовольствия согласился, восприняв эту просьбу как начало восстановления отношений, и весь день ждал, когда его вызовут и вернут в старый кабинет. В кабинет не вернули, но просьбы начали сыпаться как из рога изобилия, каждый день по несколько раз его просили то об одном, то о другом. Просьбы были пустяковые, опять же за папиросами сходить, пирожки купить, отнести, принести, дошло до того, что уже не просили, поручали. Отказать никому не мог, все надеялся, что таким образом ему удастся вернуть расположение товарищей по работе. К концу второго месяца подобной службы он решил уволиться, но перед этим зашел к тестю посоветоваться.

Зашел будто бы по пустяковому делу, не стал ничего рассказывать, просто между делом попросил замолвить за него словечко перед вышестоящими начальниками, просто упомянуть о нем как о своем родственнике, заявив о своей готовности взять фамилию жены. Несколько обескураженный этим тесть сказал, что не видит в этом никакой необходимости, и предложил поступить на высшие курсы повышения квалификации, естественно, при его содействии, так как курсы были особые и туда принимали неоднократно проверенных людей. Ничего лучшего на тот момент придумать было нельзя, и всего лишь через два года он вернулся в свою организацию в ранге начальника. Так началась его карьера руководящего работника, его стали приглашать на всевозможные высокие совещания, поручали выступать с докладами, ставили в пример как самого молодого руководителя.

Однажды все тот же тесть посоветовал ему поступить в университет, так и сказал: на любой факультет, хуже не будет, посмотри вокруг, одни крестьяне, образованных в вашей среде единицы, нет у людей понимания времени, без образования будет очень тяжело, уже тяжело, ты же не собираешься всю жизнь прозябать в этой своей конторе, работу не обязательно оставлять, можно учиться не отрываясь от работы, действуй, пока я жив, потом труднее будет, тебе нужно хотя бы нынешнюю должность сохранить, и он удивлялся, слушая рассуждения тестя, что эта идея не пришла в голову ему самому. Не откладывая в долгий ящик, на следующий же день он вызвал к себе ректора университета, который в секретной конторе ни разу не был и на всякий случай, прежде чем прийти, попрощался с родными, наспех написал завещание, и примчался весь бледный, а он заявил тому о своем намерении учиться, попросил

совета, какой лучше выбрать факультет. Выслушав мнение насмерть перепуганного собеседника, который никак не мог прийти в себя и происходящее воспринимал как коварную игру, он сказал, что хотел бы получить историческое или философское образование. Остановились на историческом.

Странно, что, наблюдая за собственной жизнью с высоты своего возраста, огромного опыта, смертного одра, дающего невидимое, неуловимое, но и невоспроизводимое превосходство над всем остальным миром, он никак не мог увидеть ничего, связанного с детскими годами. Причина заключалась не в неведении, что там, за оболочкой барокамеры, за стенами секретно-престижного военного госпиталя, имеющего мировую известность, за границами этой чужой земли, у него на родине, где все еще продолжал идти похожий на вечность дождь, многие уже давно считали его умершим, даже большинство самых близких ему людей воспринимали происходящее вокруг его болезни как политическую игру. Просто само детство не было ему доступно, первые несколько лет его жизни были от него каким-то образом отрезаны, как будто организм, от чего-то защищаясь, отвернулся от того периода, хотя время от времени в нем что-то просыпалось, заставляло предаваться игре в его любимые «паровозики», которой он увлекся уже после того, как ему исполнилось пятьдесят три года. В свои четырнадцать лет он впервые увидел паровоз, увидел издалека. Паровоз стоял на давным-давно заросших травой путях, назначение которых помнили только старики. К нему был прицеплен, как водится, целый состав, но он о существовании вагонов не подозревал, о них ему никто не рассказывал, слышал только о паровозах, и решил, что все, что видит, весь состав вместе с локомотивом и есть паровоз. Около состава ходили по-особому одетые люди, их было довольно много, ему очень хотелось подойти поближе, но не посмел, страх быть обнаруженным сковал все его существо, и в течение нескольких часов так издалека и наблюдал. Наконец паровоз, изрыгая страшные звуки и этим вселяя в его душу еще больший страх, уехал. И даже после этого он еще долго сидел, боясь подойти к тому месту, где только что были такие же, как он, и в то же время абсолютно не такие люди.

По мере взросления этот эпизод закреплялся в памяти, наполняясь новыми подробностями, у него появилось жгучее желание побывать внутри паровоза, стать одним из тех, кто так запросто обращался со стальным «зверем», впоследствии это желание преобразовалось в увлечение игрушечными паровозиками, которые начал собирать, как только у него появились для этого средства, и в конце концов этих игрушек набралось столько, что в его Резиденции (так называл дворец, построенный в тот же год, как объявил себя демократом) они заполняли целые комнаты, и когда у него родился внук, то первое, что его порадовало, было не рождение внука, а «легитимная» возможность поиграть в паровозики, не вызывая излишнего любопытства семьи и особенно охраны.

Детских воспоминаний у него не было, играя, он их создавал, интуитивно понимая, что это необходимо для его будущего, для целостности ума, той тактики, которую он избрал в качестве основополагающего принципа своей жизни. Пропущенное детство, как пропущенный урок, восстанавливалось очень плохо, вопреки его ожиданиям игры в паровозики, которым он уделял львиную долю проводимого в семейном кругу времени (благо, и внуку эти игры нравились), не стали для него панацеей. Видимо, детство многофакторно, как сама жизнь, и одними играми восполнить то, что должно быть наполнено любовью, чувствами, теплом, родными голосами и многим другим, невозможно. Понять это он не мог, и как слепоглухонемой от рождения бился о стены собственного сознания в поисках лекарства, которое избавило бы его от бесконечного и безнадежного одиночества.

Только первые несколько лет пребывания на вершине власти на Острове рождали в нем чувство удовлетворения, пока не осознал, не убедился, проанализировав тех, кто занимал рав-

ное с ним положение, особенно тех, кто был над ним, что он лучше, намного лучше, чем все они вместе взятые, и почувствовал себя чуть ли не изгоем, мучился ночами от бессонницы, все думал, искал выход. В то время в Стране никто никого не выбирал, всех назначали, правда, назначали под видом выборов, и он знал, что его никогда не снимут, он был удобен, нужен, почти что незаменим в своей преданности, по крайней мере, так полагало начальство, оно обычно думает так, как удобно, ему при той ситуации светила только слава, ведь начальство совершенно не волновало, как к нему относится народ, главное, что он не создавал проблем, был надежен, готов на все, на абсолютно все, и ко всему прочему молод, не болел в отличие от многих других руководителей его ранга.

Он даже пошел на экстраординарный шаг, назначив себе братьев и сестер, просто взял и назначил, так и сказал – ты с сегодняшнего дня будешь старшим братом, ты – младшим, а ты – средним, ты же – сестра, но все вы должны забыть всех своих родных, родителей, сестер и братьев, близких и дальних родственников; а вы – ты, ты и ты будете земляками. Он раздал им должности, из них же сделал ученых, специалистов в разных отраслях науки, объявив, что только они способны на научные открытия и большие дела, а остальным нужно довольствоваться почетной долей скромных тружеников.

Этот шаг стал первым на его пути к созданию собственной империи, государства внутри государства, службы внутри службы, впоследствии на основе именно этого шага он выстроил между собой и народом стену почище Великой китайской, хотя так и не смог избавиться от синдрома незащищенного тыла, когда о чем бы человек ни думал, как бы ни был занят, его не покидает мысль, что ему могут выстрелить или всадить нож в спину, тем более, что раны от восемнадцати пуль, как бы он ни старался их забыть, давали о себе знать, правда, не болью, а страхом. Это был особый страх, он не боялся того, что тот случай может повториться, его мучила мысль, что о произошедшем в горах в тот далекий год может кто-нибудь узнать.

Вроде бы эта мысль не имела никакой основы – во-первых, прошло слишком много времени, во-вторых, не осталось, по крайней мере, не должно было остаться, ни одного свидетеля. Да если кто и остался, кто ему поверит, – где он, а где те горы. Вообще-то, можно было бы и горы сравнить с землей, и через какое-то время все забудут, что они здесь были. Забыли же о том, что до его прихода к власти вся территория Острова была покрыта уникальными реликтовыми лесами. Всего-то понадобилась пара годков, чтобы вырубить всю эту глупую, никому не нужную красоту и засадить все к чертовой матери мандрагорой, а где не росла мандрагора – виноградниками.

Глаза его были закрыты, но он все видел отчетливо, видел то, что было, и то, что непосредственно происходило в самых разных точках земного шара, который не только мог представить как глобус, но и мысленно рассматривать во всех подробностях, слышать все звуки, которые издавала планета, различать запахи, что исходили от нее.

Кто был еще на это способен? Иногда, находясь рядом с такими же, как сам, руководителями, про себя смеялся над ними, – что за люди, что за тупицы такие, даже не знают, кто стоит с ними рядом, какое могущество скрывается во мне. Кичатся своими ядерными ракетами, космическими полетами, фундаментальной наукой своей – кому все это нужно, кому нужна ваша квантовая математика, придет время, я заставлю вас засунуть все это в одно место. Считал себя великим полководцем, хотя не выиграл ни одного сражения, наоборот, проиграл все, в которых пришлось участвовать. Если не считать первой войны, с которой дезертировал, то все последующие войны, где занимал хоть какое-то положение, к которым имел хоть малейшее отношение, были проиграны вчистую.

Еще он считал себя мастером ситуаций. Он и был мастером ситуаций. Мог, ничего не делая, создать впечатление, что все уже сделано. Не занимался пустым мечтательством. Когда его выкинули со всех постов – а выкинул человек, которого и человеком-то не считал, может, поэтому тот и смог с ним справиться, ведь он впервые в жизни недооценил против-

ника, и в принципе у него на это были все основания: тот, который его выкинул, был всего-навсего банальным предателем, предателем по сути, но каким-то сто двадцать пятым чувством учуял в нем, в человеке абсолютно непогрешимом и бесконечно порядочном для всех патриоте родины никому не видимую слабость, и сделал то, на что бы никто не решился никогда: выбросил его из обоймы, столкнул с рельсов, отодвинул от трона, в одночасье лишил самого главного, чем он обладал, – власти, выкинул, уверенный в том, что не встретит сопротивления.

Для него так и осталось загадкой, что же тот знал, почему действовал так нагло, ведь был самый настоящий трус, еще и диареей страдал, приступы которой нападали на него, как только начинал испытывать хоть какой-то страх. В комнате отдыха, расположенной позади своего кабинета, по совету жены хранил целый шкаф сменного нижнего белья, а тут не испугался, пошел напролом, может, просто блефовал, да и, может быть, ничего личного против него не имел, всего лишь в соответствии со сложившейся традицией убирал тех, кого считал сильнее себя. Обида до сих пор жгла душу. С ним справилось ничтожество, получившее впоследствии крупнейшую международную премию за самое изощренное предательство. Человек, совершенно случайно оказавшийся на вершине власти, кого из-за шести пальцев на правой руке, каждый из которых тот использовал, чтобы указать неверный путь целому народу, называли шельмой, меченной богом, еще и поражались его глупым речам, смеясь над его умением путать ударения, когда не находилось что сказать. Но следом за ним и вся Страна путала ударения, считая, что так вернее. Значит, чем-то тот брал людей, может быть, тем, что пространно и часами рассказывал о всякой чуши, выдавая это за новое восприятие мира, люди же ничего не понимали, им было неудобно признаться в этом не только другим, но и себе, сам же болтун полагал, что несет доброе, вечное, и все сделанное, в том числе и предательство, записывал себе в заслуги. Его так никто и не смог наказать, кроме жизни, в конце концов ему пришлось уйти со всех постов, заигрался в свои игры так, что не заметил, как спилил сук, на котором сидел. Оставшись без средств к существованию, бывший Самый Большой начальник долго попрошайничал, а затем устроился сторожем в публичный дом. Там платили копейки, и тот так бы и сгинул, если бы не старые друзья из-за границы, с которыми его связывало, как они сами публично и с нескрываемой гордостью признавались, общее чувство вины, – те иногда подбрасывали приработок, вроде рекламной халтуры, правда, редко, но даже приглашали читать лекции перед студентами из стран новых демократий.

Хотя дело, конечно же, не в предательстве, он и сам мог предать, может быть, даже похлеще и поизощреннее. Да и обида жгла по причине того, что не он оказался в кресле Самого, когда наступило время предать. Мало-помалу он все-таки справился с эмоциями, задвинув воспоминания о тех событиях, из-за которых по-настоящему страдал, в глубины своей памяти, но иногда по ассоциации с чем-нибудь оттуда что-то всплывало, и он заново переживал те неприятные моменты. О мести не думал, считал, что тот уже получил по заслугам, одна та премия чего стоит, и все же злорадствовал, когда однажды увидел своего давнего врага по телевизору в качестве рекламного лица какой-то фирмы, производящей лапшу.

Так вот, когда он оказался в буквальном смысле слова на улице, ему пришлось заниматься созданием ситуаций, то есть политическими технологиями. Бояться ему было нечего – Сеть, которую он создавал в течение предыдущих двадцати лет, исправно работала. Люди – всевозможные земляки, которых он когда-то выделил из толпы, придуманные и назначенные им братья и сестры, в свое время расставленные на разные должности, продолжали служить ему верой и правдой по той простой причине, что были выбраны правильно. Каждый из них сам по себе был ничтожен, силой они были даже не вместе, а только под его началом. Им этого не нужно было понимать, это и было их могуществом, – тем, что пугало в них. Масса сама по себе не способна на организацию, но при умелом подходе можно организовать стаю обезьян. Важно лишь, чтобы произношение нужных слов совпадало с сопровождающими их жестами.

Ему было куда возвращаться, родина была готова его принять, но не та, где он занимал одну из высших государственных должностей в течение долгих лет, а та, на которой родился и вырос. Не в деревню, конечно, ее уже давно не было, – в провинцию, где она когда-то находилась. Многим казалось, что он возвращается, чтобы умереть, он и сам очень хотел, чтобы так казалось. Только самые близкие из его давних подопечных знали, что он не умрет никогда. Ему удалось надуть всю Страну, которая решила, что теперь он ни на что не претендует. Вернулся и залег на дно, оттуда подавал знаки только о том, что жив. Об остальном пусть догадываются. А догадок людям мало, им всегда хочется увидеть своими глазами. Тем временем Сеть постепенно выветривала из памяти людей все негативное, что было связано с ним, с его пребыванием у власти. Даже матери, которые всего лишь пару десятков лет тому назад повторили случай с крестьянами, только в другой форме – вместо овощей и фруктов они использовали мертвых детей, забыли, что именно из-за него они лишились столь многого, того, чего не может лишить даже война. Писатели и поэты, которым он чуть ли не буквально зашивал рты, стали находить оправдание его деяниям, все чаще прибавляя к его имени эпитет «мудрый». Контурь ситуации, которые он уже давно для себя начертил, просматривались все четче. Ничего нового во всем этом для него не было. Знал одно, и это одно очень твердо уяснил и определил для себя над тобой ничто не должно довлеть, мир состоит из тебя и создан для тебя, все остальное – мишура.

Он как-то слышал забавную народную пословицу, которая относилась к неприемлемым для общения, попросту к изгоям тех, кто «совесть выбросил, а честь обернул вокруг себя», то есть тех, кто, не имея совести, ссылается на честь. В то же время, по его наблюдениям, автор пословицы – народ противоречил сам себе, причисляя к уважаемым людям, лишенных чести и совести, но при этом богатых и облеченных властью. Значит, именно богатство и власть и есть то самое главное, к чему нужно стремиться, – к этому выводу он пришел еще в подростковом возрасте, что было предметом гордости в его долгих размышлениях и внутренних разговорах с самим собой. Лишь с масштабами он определился значительно позднее, будучи взрослым.

Он не знал преград, которых нельзя было преодолеть. И когда все же решился выйти из тени – а вышел он подготовленно, прилюдно, при телевизионных камерах, да еще и в прямом эфире, а это все, согласитесь, нужно суметь, – взорам Страны предстал едва передвигающий ноги глубокий старик, будто вставший со смертного одра лишь для того, чтобы сказать несколько последних слов. И старческой походкой, которая запомнилась всем и навсегда, под недоуменными взглядами одних и непрекращающиеся аплодисменты других он прошаркал к трибуне. При этом так плохо выглядел, что врагам было впору злорадствовать. Его было жаль по-человечески. И на трибуне ничего особенного не сказал. Так, общие слова. Но голос... Одним звучанием, где металла была больше, чем во всех рудниках мира, его голос сумел передать больше, чем могли бы передать тысячи слов. Голос звенел, и звенел завораживающе, многие его соотечественники, находящиеся у телевизоров, уже тогда на интуитивном уровне осознали, что он возвращается, и теперь уже возвращается основательно, скорее всего, навсегда. И возвращается только с одной целью – властвовать. Многим казалось, что он тут же использует свой триумф, но ему одноходовки не были свойственны никогда, даже в детстве, прежде чем кому-нибудь ответить, предпочитал долго раздумывать. И даже тогда мог не ударить, замахнуться, занести кулак, да так, чтобы у обидчика поджилки тряслись, но не бить, и, убирая руку, не убирал ее до конца, как бы оставляя сам удар на потом. Когда же вырос и стал обладателем силы, способной вогнать человека в землю по самое темя, нет, не физической, а властной, той, которой мало кто мог противостоять, перестал щадить врагов. Какой смысл, черт побери, бить, если не пришло время добивать, пусть лучше мучается, пусть, содрогаясь от страха, ждет, когда рука все же будет опущена, но рука должна быть занесена так, чтобы сомнений не было – она опустится обязательно, как только человек посмеет перечить еще раз. И он вновь вернулся в свою раковину – теперь уже в ожидании того, что позовут сами.

Нет, он не никому доверял и ничего хорошего для себя ни от кого, тем более от толпы не ожидал. Толпа его не раз подводила, но единичные случаи, когда люди действовали не так, как он предполагал, он рассматривал как досадные промахи и собственные просчеты. И даже в голодный год, когда спустя пару десятков лет после Большой Войны (в которой, кстати, он не участвовал, хотя вроде бы по своему возрасту должен был, о чем ему часто напоминали недоброжелатели, и это был один из немногих фактов его биографии, по которому у него никак не складывался вразумительный ответ) Страна перешла на продуктовые карточки, а хлеба все равно на всех не хватало, и, естественно, у хлебных ларьков выстраивались огромные очереди, он же, выполняя служебное задание, должен был находиться в людных местах, чтобы держать власть в курсе того, о чем думают граждане, случилось событие, чуть не стоившее ему жизни. Он только подходил к очереди, когда в самом начале у кого-то не выдержали нервы – то ли кто-то полез без очереди, то ли кому-то показалось, что кто-то лезет без очереди, то ли просто кто-то кому-то наступил на ногу, – и люди, стоявшие здесь в ожидании хлеба, похожего на кусок тяжелого соленого пластилина, и без того состоявшие из одних нервов, забились в истерику, и стражник, который поддерживал порядок, не сумел справиться с собственным напряжением, и чтобы успокоить народ, выстрелил в воздух (как еще успокоить народ, если не выстрелами), а потом уже не смог остановиться, все стрелял и стрелял. Напуганная толпа отпрянула от ларька и в панике побежала назад. Он не видел, что происходило в начале очереди, видел только с бешеной скоростью надвигающуюся на него огромную массу из десятков человек. Он инстинктивно тоже отпрянул назад, но споткнулся и упал на спину. Шансов не было. Он даже не успевал перевернуться на живот, чтобы уберечь лицо и жизненно важные органы. Мгновенно перед глазами пронеслись все его мечты – что удивительно, не жизнь, которую он прожил, а мечты, к которым он рвался, и он понял, что и пожалеть не успеет, как будет затоптан. Мгновения, в течение которых толпа бежала в его сторону, были на удивление долгими: где-то внутри он успел порадоваться, что не ошибся в отношении людей и не стоят они ни милосердия, ни доброты, люди – лишь материал, средство для тех, кто способен ими пользоваться, они ни на что полезное сами по себе не годны, и вот еще раз на собственном примере он видит, как кусок мало пригодного для еды хлеба превращает их в самых обычных зверей. И еще все же успел пожалеть, что так много не удалось, как минимум не удалось показать этому миру, что он велик. И все из-за какого-то пустячного дела, он не знал тогда причин переполоха, это потом ему рассказали, из-за чего разгорелся весь сыр-бор. Жалко было, что он столь глупо уходит, так и не успев осуществить свои мечты, к тому времени уже разложенные по будущему, как по полкам, ему многим пришлось пожертвовать, чтобы избежать войны, создать вокруг себя ореол чистого, непогрешимого, лучшего, даже добропорядочного, простого служаки, которому ничего, кроме служения родине, не надо, той же репутации «нашей сволочи». И тут такое, он даже внутренне улыбнулся, когда толпа было в шаге от него, и закрыл глаза, чтобы не видеть, как людская масса в мгновение ока превратит его, Человека с большой буквы, носящего в себе столь великое начало, в неузнаваемую массу из мяса, костей, мозгов, внутренностей и той поношенной одежды, которую он надел для выполнения задания. Но он не дождался. Помедлив доли секунды, еще на мгновение не стал открывать глаза, подумав, что просто в такие моменты время течет медленнее. А когда все же открыл их, увидел людей, одним только видом его падения превратившихся из безумной толпы в само милосердие. Глупости все это, подумал он, привиделось, сейчас пойдут... Но уже было ясно, что не пойдут. Люди бросились к нему, кто-то помог подняться, кто-то пытался привести в порядок его одежду, кто-то спрашивал, все ли в порядке. Запутавшись в своих несбывшихся ожиданиях, удивляясь самому себе, он ненавидел этих людей, посягнувших, сами того не ведая, на одну из фундаментальных его убеждений. Конечно, со временем он оправился, сотни раз доказав себе, что люди все же в большинстве своем – ничтожества.

Он строго отделял себя от мира, считал, что на мир можно смотреть только сверху, иначе ни оценить, ни понять и, самое главное, ни с какой другой позиции его невозможно менять. А менять его, и менять под себя, необходимо, даже если для этого придется опускаться ниже самого нижнего уровня, поступаться всем, что вообще существует, нужно множество раз меняться, чтобы менять, получить доступ к тому, что называется властью в полном смысле слова. Временами огорчался, что принадлежит к Стране, место которой в мировом порядке не очень существенно. И радовался тому, что родился в мире, где сложно, но можно обойти вопрос национальной принадлежности, став, как говорили некоторые зарубежные политики, «своим сукиным сыном». И его нисколько не обижало прозвище, которым его «наградили» вышестоящие начальники, – «наша сволочь». На вторую половину этого словосочетания он вовсе не обращал внимания, главное заключалось в первой – он сумел стать своим, вот что было важно. Однажды в детстве, когда ему было лет двенадцать, он случайно наткнулся на птичку, измазанную какой-то липкой массой, похожей на мазут. Птичка была маленькой, столь грязной, что трудно было определить ее породу. У нее были длинные ноги, такой же длинный клюв и очень злой вид, на что у птички были все основания. Несмотря на маленькие размеры, от птицы исходила угроза, он даже почувствовал что-то похожее на страх, хотя понятно было, что она обречена. Она издавала слабые звуки и медленно шла, скорее всего, сама не зная куда. Не испытывая особой жалости, он из любопытства протянул руку, чтобы потрогать ее. И вдруг это странное существо резко дернуло головкой и клюнуло его в палец. Боль была не столько сильной, сколько внезапной. Вне себя от ярости, он со всей силой стукнул птичку подошвой тяжелых старых отцовских сапог, которые носил уже не один год, затем наступил на нее, уже мертвую, двумя ногами, пытаясь сначала вдавить маленькое тельце в землю, а потом и размазать его по осенней грязи. Впоследствии он часто вспоминал этот случай, в основном то, что такая маленькая птичка посмела клюнуть его, несоизмеримо большого, а до этого даже сумела напугать.

Надо сказать, что с птицами у него не заладились отношения с младенчества. Как-то ему дорогу преградил злой петух, когда по поручению матери шел к соседям за горсткой соли, рядом не оказалось никого, кто бы его защитил, он пытался убежать, но петух все же догнал его и больно клюнул в мягкое место. Рассказать об этом он не мог никому, но после этого долго обходил места, где мерзкая птица могла его подстрегать. Позже, уже в подростковом возрасте, на него напала стайка домашних гусей, на этот раз ему удалось убежать, но это случилось около единственного в деревне продуктового ларька в присутствии большого числа людей, которые не преминули посмеяться над его капитуляцией, и неприятный осадок остался. Может быть не в последнюю очередь по этой причине спустя несколько десятков лет в период ожидания птичьей болезни он первым из глав государств привлек к борьбе с перелетными птицами армию, выстроил солдат по всему периметру Страны и поставил задачу не пропускать ни одного пернатого. И победил, только его страна не пострадала от пандемии, и за это он был удостоен второй грамотой Планетарной организации здоровья. Первую грамоту от этой организации он получил за самый низкий уровень детской смертности. Организация было прекрасно осведомлена, что в его стране уже несколько лет как дети вообще не рождаются, знала и о том, что тотальная борьба с птичьей болезнью обернулась для страны бедствием в виде нашествия крыс, мышей, саранчи, кровососущих и болезнетворных комаров и клещей, соответственно, эпидемиями холеры, брюшного тифа, малярии и многолетним неурожаем, но это уже касалось других организаций, вроде Глобального министерства чрезвычайных ситуаций, самого популярного и уважаемого международного ведомства, основной задачей которого было распределение гуманитарной помощи. Грамотами он очень дорожил, их увеличенные копии рядом с его портретом висели на въездах в Столицу. А за семьсот метров до места, где они были установлены, для удобства проезжающих соорудили сто двадцать два ограничителя скорости –

так называемые лежащие полицейские, чтобы люди могли успеть ознакомиться с содержанием грамот не останавливаясь.

Портреты его висели всюду. Вся Страна была украшена большущими щитами с его высказываниями. Иногда это сочеталось – сверху портрет, снизу высказывание. Он все же считал, что портреты, где он изображен один, но в действии, например, подписывающим важный документ, на людей оказывают большее воздействие. Интеллектуальная элита страны неустанно трудилась над тем, чтобы в еще более эффективной форме довести до народа мысль о его величии. Самые крупные предприятия, где уже давно никто не работал, библиотеки, в которые никто не ходил, концертные залы и филармонии, где звучала исключительно популярная музыка, театры, где ставились спектакли только о нем, магистральные дороги, нефте- и газопроводы, доставляющие топливо за рубеж, и деньгопроводы, по которым поступала иностранная валюта, рынки, супермаркеты, вокзалы, аэропорты, самолеты, фирменные поезда, даже поля и озера носили его имя. Элита не могла нарадоваться на него, и все придумывала и придумывала, а он шел навстречу. Не идти было нельзя, это же были сливки всего общества, самые лучшие умы страны и выразители чаяний народа, устами элиты глаголила истина, при всей своей жесткости, даже жестокости, в отношении интеллектуалов он всегда проявлял покладистость – иногда даже разговаривал с некоторыми их представителями. Правда, кое-какие предложения элиты, вроде тех, чтобы его портреты поместить на гербе и флаге страны или назвать его именем море, он безоговорочно и с негодованием отверг прямо на заседании Кабинета министров, еще раз доказав свою приверженность к демократическим принципам.

Иногда он воображал себя той птичкой из своего детства, противостоящей огромной силе, но он, в отличие от нее, добился собственной неуязвимости: никому не пришла бы и не должна была прийти в голову мысль раздавить его. А для этого надо быть нужным до незаменимости – он это усвоил твердо. Люди, вне зависимости от занимаемой должности, не любят проблем, и когда появляется человек, который умеет ассоциироваться с решением проблем, он тут же становится фаворитом.

В барокамере было уютно, к тому же в ней он находился лишь физически. Дух его витал по просторам вселенной, вглядываясь с высоты своего полета, как он полагал, в суть вещей. Частенько задумываясь о смысле жизни, он не допускал даже мысли, что этот мир может существовать без него, хотя, конечно же, знал, что когда-нибудь да умрет. В детстве казалось, что он из одного года в другой переходит незаметно. Никто никаких дней рождения ему не справлял, он частенько и сам забывал о своем дне рождения и не обращал внимания, как проходит время, тем более, что о времени ему напоминали только новогодние торжества, да и некоторые религиозные праздники. Позже, когда пришло понимание того, что люди живут очень по-разному не всегда по объективным причинам, и его охватило чувство справедливости, ему представлялось, что через годы переступает. С возрастом начал считать, что на годы нужно забираться, их нужно преодолевать, как барьер, и не мог понять, как можно относиться к жизни легко, когда она – такое серьезное дело.

В самом начале своей карьеры, когда только вставал на «рельсы» так называемой властной иерархии, когда только узнавал, но не был уверен, что положение, которого он добился, и есть ступень к тому, к чему намеревался идти, и воспринимал это положение как важную часть подготовительного периода, очень дорожил временем, воспринимал его как один из немногих ресурсов, данных ему безвозмездно, за многое же приходилось трудиться. Считая свою жизнь работой, он нисколько не отделял личные проблемы от работы и рассматривал их, как сам говорил, в одном контексте. Все было частью работы, даже семья – жена и двое детей – служила тому, чтобы он был таким, каким должен был предстать перед всеми по неписаным правилам номенклатурной морали. Когда-то в молодости он, будучи сотрудником секретных служб, как это между собой называли его коллеги, курировал творческие организации и по работе время от времени общался с писателями, поэтами, художниками, композиторами

и другими не очень приятными для него личностями. Он не понимал их амбиций, ему казалось, что они обитают в какой-то пустоте, изображают жизнь, тогда как ее надо жить. Как-то нескольких из них – известных, малоизвестных, но считающихся выдающимися, и некоторых, кого молва провозгласила подающими надежды, он пригласил к себе в кабинет, хотел поговорить, поставить точки над «i», а, главное, понять для себя, с кем же все-таки имеет дело. Перед встречей очень боялся, что не придут или придут не все. Пришли они, как ни странно, все как один и вовремя, минута в минуту к назначенному часу, но явились в такое серьезное заведение в таких одеждах, что лучше бы не пришли: кто в пестрой рубашке с короткими рукавами, кто в тенниске, а кто в футболке с какой-то надписью на непонятном языке. Он не стал делать замечаний, но для себя определил, что больше никогда не пригласит подобных товарищей по несколько человек, им же нужно не ему что-то показывать, а друг перед другом покрововаться, мол, ходил я в Главное секретное учреждение в одной футболке. Ничем не показав свое настроение, он выдал тем ублюдкам целую лекцию о том, чего от них, как от творческих работников, требует время, интересы простых людей и великого народа. Те слушали молча, никаких возражений не высказывали, только совсем молодой, но успевший прославиться историческими романами писатель, единственный, кто пришел на встречу в костюме и при галстуке, то есть, как было нужно, и всю встречу сидел, опустив голову, сказал фразу, с виду безобидную, но полную сарказма и в силу этого запомнившуюся ему на всю жизнь: «Вам, конечно, виднее, но народ подолгу не спит». Сказал и вновь уперся взглядом в пол. Слова были произнесены весьма неожиданно – до этого все шло очень хорошо, и хотя говорил пока только он, но уже рассчитывал на полное взаимопонимание, даже подумывал о том, кого бы из этих полупридурков, возмнивших себя «инженерами душ», вербануть, записать в свой актив, – и поэтому не сообразил, что сказать. Нависла нехорошая тишина. Помог другой писатель, сын известных на всю страну родителей – поэта и поэтессы, написавших каждый в отдельности по поэме о главных вождях и получивших за это несколько государственных премий и официально награжденных званиями народных поэтов, тот, который своим внешним видом вносил особый диссонанс даже в эту пеструю компанию, со своей дурацкой футболкой с непонятной надписью спереди и со спины, а в литературных кругах был известен как новатор и почти что авангардист и постмодернист. Тот сначала громко рассмеялся – а громкий смех ему был к лицу, крупное телосложение и такие же крупные черты лица делали его похожим на богатыря, и смеялся авангардист как богатырь и как человек, который достаточно рано начал хорошо жить – а потом сказал: «Но народ и бессонницей не страдает». Обстановка разрядилась, но концовка встречи была смазана.

Впоследствии он, конечно, с ними расправился, первого сослал из страны за роман, в котором главным действующим лицом тот вывел его, и в очень, мягко говоря, невыгодном свете. Нет, никаких имен и фамилий, прямых указаний на него в романе не было, но надо было быть последним дураком, чтоб не догадаться, кто в нем изображен. Сослал и дождался, что тот спустя многие годы, лет пятьдесят, наверное, в желании умереть на родине, обратился к нему через других людей с просьбой разрешить ему вернуться. Он дал надежду, но ничего не предпринял. Тогда писатель, к тому времени добившийся мировой известности, начал петь ему дифирамбы на различных мероприятиях – конференциях, симпозиумах, рассказывал о его подвигах своим ученикам, которые в своем учителе души не чаяли, верили каждому его слову. Затем писатель начал просить откровенно, писал ему письма, слал телеграммы, поздравлял с какими-то праздниками и заодно просился обратно. Не понимал человек, что его персону для него уже давно отыгранная карта, и все просил и просил. Он же из этой карты выжал последнее – несколько раз на всю страну процитировал письма писателя, заканчивая цитату словами: «Вот как бывает. Это должно быть уроком для многих».

Со вторым поступил проще: сделал того придворным поэтом, то есть приблизил к себе так, что тот не только перестал смеяться, но и ростом стал ниже, сгорбился, как тысяче-

ний старик, и со временем прослыл ретроградом и бюрократом от литературы, даже речи свои писал не сам, а просил, чтобы ему их готовили в аппарате Самого, боясь попасть впросак. Правда, сам речи эти приукрашивал, добавлял в них всякие эпитеты, вроде «великого», «отца нации» и так далее в отношении первого человека в Стране. Один раз совершил своего рода подвиг: когда во время конференции в заграничной стране один молодой ученый, рассказывая о государственной независимости, сказал, что народу не нужны сильная рука или отец нации, а нужен умный правитель, любящий родину, – подскочил к трибуне и отодвинув ученого, закричал в микрофон: «Это провокация, наш Самый Большой начальник сочетает в себе ум, милосердие и любовь, и никто, кроме него, даже бог, не способен помочь нашему народу встать с колен». Впоследствии молодой ученый в одном весьма солидном издании опубликовал статью, где описал этот случай в очень ироничных тонах – все интересовался, мол, кто же поставил народ на колени, и его пришлось убрать, не так чтобы совсем, просто он угодил под машину у себя во дворе и сломал позвоночник. Несколько лет спустя бедолага написал роман, где высмеивал всякую власть, но безо всяких намеков на кого бы ни было, но опус так и не был опубликован, – не оказалось необходимой суммы денег, но автор был награжден орденом, на котором было выгравировано золотыми буквами и инкрустировано драгоценными камнями имя Самого, и при жизни получил право на то, чтобы его похоронили на том же элитном холме, где покоились лучшие из приближенных правителя Страны.

К большой власти он приходил несколько раз, в том смысле, что уходил только для перехода в еще бóльшую власть, выходил же из нее лишь однажды, когда его, по его глубокому убеждению, предали, лишили всего заслуженного ничтожные люди, достойные даже предать. Считал, что умеет оценивать и врагов, которых у него было множество и которых с годами только прибавлялось, и друзей, хотя как ни напрягался, не мог вспомнить ни одного человека, кого бы мог назвать другом, разве что старого коменданта, о существовании которого узнал, когда тот, каким-то чудом прорвавшись на траурные мероприятия по случаю смерти его жены, под самый конец похорон бросился на влажную, дымящуюся землю над могилой и так горько заплакал, что все присутствующие приняли его за близкого родственника семьи. Потом он долго выяснял причину поведения коменданта, когда-то половину сознательной жизни проведшего в армии, но дослужившего всего лишь до младшего офицерского чина, в голову лезли всякие мысли, пока один психиатр не объяснил случившееся банальным обострением шизофрении. Когда оказался в опале, его оставили все, кроме ближайших родственников и домашних животных в лице однажды случайно забредшей и навсегда оставшейся кошки (из-за которой в свое время была уволена целая служба охраны) и двух сторожевых псов, ластившихся ко всем обитателям дома, кроме него, – они его просто боялись: как только он появлялся, тут же, поджав хвосты, забирались к себе в конуру. Так и не мог вспомнить, хотя и не раз пытался, как бывший комендант оказался в те непростые времена с ним рядом. Такое было впечатление, что пришел, как та кошка, и остался. Надо сказать, что и пригодился. Сначала выполнял простые поручения по дому, он-то несколько лет никуда не выходил, даже в окно не выглядывал, сын был слишком заметным из-за своего физического недостатка, приходилось все чаще полагаться на коменданта, который со временем стал своего рода его вторым «я» по связям с миром, и хотя они практически не разговаривали, иногда ему казалось, что ближе, чем этот несчастный шизофреник, у него никого нет.

Нынешнее свое положение считал не уходом, хотя, кроме него, никто не верил, что он выкарабкается. Барокамера ему казалась местом временного уединения, где наконец-то можно предаваться размышлениям, подумать и о стратегии, которую он никогда не воспринимал. По его искреннему убеждению, именно в тактике было сосредоточена вся мудрость человечества, а ум – на самом деле это глупость, глупость несусветная, мудрость же – в хитрости, если бы жизнь длилась тысячелетиями, тогда можно было бы говорить об уме, а следовательно о стратегии, тут важно суметь и успеть, значит, опередить, а как ты опередишь, если начнешь

размышлять. В том кругу, где он обитал всю свою сознательную жизнь, действительно никто не дремал, чего-либо серьезного достигали только те, кто не поддавался эмоциям, а действовал исходя исключительно из холодного расчета.

Исходя из такого же расчета пытались действовать те, кого он оставил на хозяйстве, для них время его отсутствия шло медленно, казалось, что оно просто остановилось. Чиновники, не привыкшие к неопределенности, нервничали, изводили своими вопросами посла страны, где их Самый Большой начальник находился на лечении, чуть ли не каждый день под тем или иным предлогом вызывали его в Министерство зарубежных проблем, пытаясь узнать хоть что-то о состоянии здоровья своего высокого руководителя. А тот сам ничего не знал, но не мог в силу значимости своей должности признаться в этом, говорил намеками-экивоками, переводил разговор на второстепенные темы, начинал рассказывать анекдоты, истории из своей жизни, казавшиеся ему забавными, и удивлялся про себя, что высокопоставленных аборигенов они не смешили. Постепенно вырисовывался круг тех, кто мог открыто и по умолчанию, напрямую или косвенно претендовать на место Самого, вслух об этом никто не смел говорить, но некоторые выдавали себя своими вольными или невольными действиями. Одно время источником информации был карлик, который часто ездил «проведать папу», и, возвращаясь, рассказывал о своих долгих беседах с ним, передавал от него поручения, которые неукоснительно выполнялись. Врал, конечно – в первые недели болезни его пускали к отцу, но отец-то с того дня, как попал в клинику, ни разу не открывал глаз, и не произнес ни одного слова – но карлику удалось, используя отсутствие информации, заставить главу правительства снять с работы министров спорта, туризма, азартных игр и назначить на эти места его друзей. Сам же он рассчитывал на главное место и очень надеялся, что однажды отец, хотя бы перед самой смертью, назначит его своим преемником, и с некоторых пор, особенно после того, как его перестали пускать к больному, начал открыто говорить о своем желании. Он упорно ездил за рубеж, просился к отцу, а когда в очередной раз к нему не пускали, несколько дней ходил вокруг клиники, создавая впечатление, в первую очередь у себя, что побывал у отца. Возвращался обязательно с хорошими новостями, в подробностях рассказывал, как отец себя чувствует, что ему становится все лучше и лучше, но, видимо, об одном и том же долго врать не так-то просто, фальшь прорывалась, и некоторые начали сомневаться в правдивости его слов. Пошли слухи, что Самый Большой начальник уже умер, а иностранцы это дело замалчивают, чтобы добиться для себя политических дивидендов. Что это были за дивиденды, никто не знал, но и не спрашивал, – он сам приучил людей не задавать вопросы – однако уверенность в правдивости слухов у разных слоев населения все росла. А когда министр по таможенным делам, известный как один из богатейших людей, будто бы в шутку, но принародно, дал подзатыльник карлику, всем стало ясно, что слухи могут оказаться правдой. Резко вырос рейтинг министра, к нему стали обращаться не иначе как «мой министр», многие же, кто был поосторожнее в своих действиях, решили лечь в больницу на время опасности. Стало ясно, что наступает пора выбирать. Так как чиновников в Стране водилось довольно много, то пришлось все учреждения для стационарного лечения освободить от настоящих больных. Но немало чиновников осталось и на своих рабочих местах, считая, что министр-таможенник рискнул недаром.

Не верили слухам о его смерти только старики, забытые в горах. С ними был особый случай. Однажды на заседании правительства возник вопрос дальних деревень. Решали проблему, как туда доставлять пенсии и почту. Министр связи наотрез отказывался это делать, обосновывая свое мнение тем, что, во-первых, это дорого, во-вторых, деревни эти находятся далеко и высоко в горах, их много, а в каждой из них проживает от силы несколько десятков человек, в-третьих, раз доставка связана с транспортом, то этим должно заниматься Министерство транспортных услуг. Министр транспортных услуг возразил, что да, он имеет отношение к доставке, а к пенсиям и почте – никакого, и он этими делами заниматься не будет. Кабинет министров весь состоял из сватьев-братьев, так или иначе связанных между собой родствен-

ными узами, и никто не хотел обострять ситуацию, а главе правительства вовсе не хотелось вмешиваться в такие мелочи. Благо, подключился министр здоровья и сообщил, что население этих деревень, по его достоверным сведениям, состоит из одних стариков, многие из которых вот-вот отойдут в мир иной. И в принципе их можно уже сейчас, не дожидаясь естественного исхода, вычеркнуть из всех списков, так что вся эта проблема – вопрос времени и не стоит обсуждения. На том и порешили, но с единственным уточнением, что в интересах демократии необходимо разрешить их родственникам, а если таковых не окажется поблизости, то специальным государственным чиновникам, голосовать за них на выборах общенационального масштаба, а так нечего разбазаривать казну на пенсии, поддержание дорог, вертолеты и многое другое ради отработанного человеческого материала. Сэкономить удалось на самом деле большую сумму, так как при подсчетах оказалось, что на содержание жизнедеятельности дальних деревень уходило достаточно серьезная часть бюджета страны, пришлось даже наградить тех, кто был причастен к решению об их вычеркивании из списков.

В старые времена все необходимое, включая почту и пенсии, в те деревни доставлялось в летнее время на вездеходах, зимой – вертолетами. Доставка действительно обходилась дорого, и когда бумага с решением правительства легла к нему на стол, он, не долго думая, ее подписал. Так часть населения оказалась предоставленной сама себе. Но и она не стала долго думать, молодежи в тех деревнях давно не было, старики же, пару лет подождав вестей, продуктов питания, пенсий, почты и всего остального, решили перейти на полное самообслуживание, то есть на натуральное хозяйство на уровне своих деревень. Как эти деревни связывались между собой, никому не известно, – то ли сговорившись посредством телепатии, что весьма вероятно, так как с гор время от времени какие-то сведения поступали, то ли вовсе не сговариваясь, – но жители пришли к единому решению – не умирать, пока не умрет каждый из тех, кто имел отношение к вычеркиванию их из жизни. Кроме того, тем старикам, как они говорили, хотелось посмотреть, чем все *это* в конце концов закончится.

Как раз они, видимо, в силу своего витального решения, и не поверили слухам, что он умер, более того, они предсказывали время, когда он избавится от своей болезни, не уточняя, каким будет это избавление, но настаивая на том, что оно наступит в ту секунду, когда перестанет идти дождь. А дождь шел не переставая, то усиливался, то ослабевал, проникал всюду, а главное, смывал все вокруг, всю накопившуюся грязь, дурные мысли, проходил через мозги, сердца, задевал печенки людей. Те, кто выходили под него, каждым днем становились чище. Особенно повезло бездомным, беспризорным, безработным, которых в стране было огромное количество и которым деваться было некуда и оставалось только невзирая на погоду, искать пропитания или какой-нибудь заработок. Тех, кто ездил на машинах, дождь задевал меньше, и вовсе не касался высоких чиновников, которые даже не знали, что идет дождь. Поэтому когда предсказания горцев дошли до них через водителей и телохранителей, они, выглянув в окна своих кабинетов, кроме того, что удивились живучести стариков, были поражены еще и тем, что на улицах не стало грязи.

Одно время проблема грязи очень беспокоила и его. С того времени, как он оседлал власть, именно грязь была его главной проблемой. В начале своей высокой карьеры он пытался с ней бороться, но потерпел сокрушительное поражение. Грязь буквально извергалась всюду, чего бы он ни касался, преследовала его, как живое существо. Доходило до мистики: он потребовал у Академии научных рассуждений разработать государственную программу по ликвидации грязи, благо, опыта по всякому устранению было не занимать: когда-то в Стране принимались ликвидировать все – бедность и богатство, религию и безграмотность, мысль и инакомыслие – такой нашел стих. На самом деле за время этой кампании так ничего искоренить не удалось. Впрочем и впоследствии тоже – что-то уходило, что-то приходило, исчезало и возникало, уничтоженное возрождалось безо всякого участия людей, и как бы власть ни пыталась все хорошее приписать себе в заслугу, ей не все и не всегда верили. И когда Акаде-

мья взялась за разработку программы, выяснилось, что она сама тонет в грязи, что все мало-мальски рассуждения вместе с их носителями, включая лучших специалистов по уборке грязи, да и просто рядовых уборщиц, давно уже покинули страну. Все же проектанты сварганили какую-то писанину под руководством Главного академика, окрестили ее программой, долго мусолили на различных заседаниях, приняли массу деклараций, но от грязи так и не смогли избавиться, пока один из советников Самого не предложил простое решение: задвинуть всю грязь за фасады. Предложение понравилось всем, советника удостоили одной из высочайших наград Страны, а для осуществления идеи задействовали армию, создав специальное подразделение по борьбе с грязью. С тех пор Страна стала лучшей на планете по фасадам, но туристам-иностранцам запретили за них заходить.

И когда однажды выпал Большой снег, такой, что в Стране не выпадал никогда, и закрыл все, кроме неба, все вокруг стало белым-бело, дома, улицы, скверы и площади превратились в фрагменты невероятной сказки, все население Страны вывалило на свежевывапавшее чудо. Забыв обо всем, от мала до велика, от глубочайших стариков и безнадежных больных до инвалидов, едва передвигающих ноги, все начали самозабвенно играть в снежки, благо снег шел огромными, почти килограммовыми хлопьями, не нужно было нагибаться, чтобы делать снежки, их можно было ловить прямо из воздуха. Даже он не удержался, разрешил внуку выйти на улицу, правда, в окружении четырехсот двадцати телохранителей, трех подразделений морских пехотинцев, прошедших долгосрочное обучение в горах, поддерживаемых четырьмя вертолетами и семнадцатью бронированными боевыми машинами, оснащенными, в том числе, управляемыми снарядами дальнего действия. Но суть не в этом, а в том, что, глядя на снег, он чуть было не нашел решение проблемы грязи. Позвонил Главному академику и приказал во что бы то ни стало придумать способ удержания снега. Но то ли академик подвел, то ли снег, но вся белоснежная красота продержалась лишь неделю и сошла, вновь оголив всю грязь, принявшую под снегом еще более неприглядный вид. Тогда он махнул на это рукой и решил забыть о ее существовании, вспоминая о ней, только когда приезжал какой-нибудь высокопоставленный иностранный гость. Но и в этих случаях грязь особых забот не доставляла, территорию, по которой должен был проезжать визитер, очищали от всего, заборы красили, с деревьев смывали пыль, памятники приводили в порядок, а самые гиблые места застилали коврами нужного цвета, и так до следующего раза. Население же давно свыклось с грязью, и когда дождь начал очищать Страну, оно даже несколько подрастерялось. Не растерялись только чиновники, которые тут же принялись строчить рапорты и доклады об успешном преодолении многолетней проблемы уборки мусора. Но дождь не только избавлял от грязи, но и на корню уничтожал плантации мандрагоры и виноградники, вымывая из земли едва проснувшиеся корешки и оголяя корни лозы, превращая их в обычный гумус, освобождал некогда плодотворные земли от пестицидов и гербицидов, а разжиженная дождем грязь постепенно, прямо по магистральным дорогам, предназначенным для поездок высоких чиновников и высокопоставленных иностранных гостей, подбиралась к химическим заводам, нефтепроводам, газоносным линиям, электростанциям, игорным домам и, пользуясь его отсутствием, к Резиденции. Забеспокоились даже соседи, им своей грязи хватало, тут еще замаячила перспектива убирать чужую, и, бросив все дела, в срочном порядке начали возводить глухие заборы по линии своих границ, чтобы хоть как-то остановить наплыв, обладающий удивительным свойством – несмотря на свой предельно неприглядный вид, субстанция не пахла.

Он обо всем этом знал, не мог не знать – с внешним миром у него была космическая связь, которую обнаружил в себе еще в пору, когда работал младшим сотрудником в дальнем отделении секретного учреждения: – закрывал глаза и представлял себя связанным невидимыми нитями со всей Вселенной. А теперь так же закрыв глаза, все считал-просчитывал, с чего начнет, когда вновь вернется в свой рабочий кабинет и сядет на свое кресло-трон, каким будет его первый приказ: все рассматривал планету с высоты птичьего полета, заглядывая

в самые ее потаенные места, невзирая на время и пространство, все прошедшее и будущее виделись ему, как гряда гор, а пространство – как предельно увеличенная карта мира. Думал о том, как усилить свое влияние на мир, с удовольствием и буквально воочию видя, как Самый Большой, но низкорослый начальник одной из обширных и авторитетных стран мира, известный своей непроходимой тупостью (был выпущен и переведен на основные языки мира многотомник его сентенций, собранных одним из корифеев мировой литературы), а так же всевозможными казусами, которые время от времени с ним приключались, то с пони падал, то напивался до чертиков посреди какой-нибудь серьезней конференции, то на глазах у изумленной публики приставал к женщинам, мог ущипнуть, например, горничную или официантку, попавшуюся под руку, или лезть с грязными предложениями к жене президента или посла уважаемой страны, выбегает из своего белоснежного дворца, мирового символа могущества, и встречает его на улице, бросаясь на шею по одной простой причине, что именно Страна занимает настолько удобное геополитическое положение, что с ее территории можно обстреливать оба полушария Земного шара, Северный и Южный полюсы и каждую точку экватора.

Он мечтал о том дне, когда Страна станет напоминать огромного паука, от которого во все стороны и страны потянутся трубы, полные стратегического сырья – мечты, влияния, всеобщего уважения и многого другого, что могла дать запасы, которыми он обладал, говоря без преувеличения, в одиночку, ни на секунду не снимая руку с пульса событий, происходящих вокруг богатств, по воле природы оказавшихся в недрах Страны. Несколько лет назад, мимоходом узнав от одного из мировых руководителей, что глава его правительства продал за рубеж весь запас оружейного плутония не по той цене, по которой перед ним отчитался, немедленно вызвал того к себе, потребовал вернуть разницу в цене в десятикратном размере и не успокоился, пока вся сумма, проходя через восемьсот семьдесят пять банковских счетов фирм-однодневок, зарегистрированных на самых разных точках планеты от Арктики до Антарктиды, не оказалась на его кодовом счету. Виновного сильно наказывать не стал, хотя тот, кто случайно проговорился, назвал того крупнейшим коррупционером в мире – здраво рассудив, что такие всегда нужны, отправил его в почетную ссылку, послом в одну из второстепенных, по его мнению, стран.

Его борьба с коррупцией во имя собственной карьеры давно ушла в прошлое, теперь он на коррупцию старался не обращать внимания, соглашаясь с выводами известных экономистов и компетентных журналистов, утверждающих, что она один из самых надежных и самостоятельных способов управления государством, и считая, что чем больше людей будет вовлечено в коррупцию, тем сплоченнее станет Страна. Да и люди привыкли к тому, что без взяток и подношений ничего не делается. Его предшественник предлагал узаконить взятки, но тот являл собой особый случай в политике и не понимал, что нужно прислушиваться к мнению мировой общественности. Скрытая коррупция существует во всех странах, и все с этим в той или иной мере смирились, а открытая, особенно если ее узаконить, явно будет отдавать неприличием, по крайней мере сначала.

Предшественника можно было понять, тот был ученый, правда, без особых регалий, но ученый – до того, как стать Самым Большим начальником, работал младшим архивариусом, сидел в каком-то подвале, копался в старинных рукописях в надежде найти в прошлом что-то новое. И когда время вынесло его на поверхность политических событий, как иногда бывает, не очень понял, где оказался, ну и повел себя как человек, ничего не понимающий. В том подвале младшему архивариусу говорить было не с кем, и поэтому, порядком соскучившись по общению и будучи неплохим ученым, бегло и грамотно заговорил, включившись в политику, вскоре выдвинувшись в лидеры и в новом своем качестве проявив чудеса изобретательности. Архивариус быстро понял, что людям нравится, когда им говорят приятное, и особенно когда обещают – а обещать можно самое невероятное, чем невероятнее обещание, тем лучше. Кроме того, он обладал колоритной внешностью, носил бороду и усы, длинные выю-

щиеся волосы, одевался как все, тут еще начал курить сигары и трубки, слегка подражая иностранным революционерам. Его полюбили, и когда пришло время выбирать, недолго думая, выбрали Самым Большим начальником.

И он оправдал надежды, в первый же день пребывания на высокой должности сделал заявление, в котором записал во враги все пять государств, с которыми у Страны имелись общие морские и сухопутные границы, за что и был немедленно объявлен ими персоной нон грата. Спустя пару лет, оказавшись не у дел, откровенничая с друзьями, объяснял свое первое заявление тем, что прочитал книгу одного известного поэта, в которой доказывалась высокая вероятность его мессианства – автор книги утверждал, что именно младший архивариус во главе своего народа явит миру счастье. По поводу нежелательности своей персоны беспокоиться не стал – ну, не был за границей и не был, чего, мол, мы там не видали, и активно занялся руководством страной. Исторически сложилось так, что ею никто никогда не управлял, все руководили, и архивариус в этом смысле не стал ничего менять, и первым делом собрал вокруг себя своих друзей – тех, с кем когда-то учился, вместе рос, служил в армии, близких и дальних приятелей, просто собутыльников, считая, что так надежнее. Главным по кадрам назначил соседа, торговавшего арбузами, логично рассудив, что если человек разбирается в арбузах, безошибочно определяя, какой из них, абсолютно похожих друг на друга, спелый, а какой – нет, то может разбираться в людях, которые, в отличие от арбузов, не только внутренне, но и внешне весьма и весьма разные.

Архивариуса быстро полюбили, особенно за то, что, став Самым Большим, не отказался от старых привычек – как пил крепленое вино, так и продолжал пить, и в основном с теми же, с кем пил обычно, как волочился за юбками, будучи убежденным холостяком, так и не стал изображать святого, вел себя как нормальный мужчина, правда, придумали ему несколько кличек, но в основном любя. Особых указов или распоряжений он не издавал, заявлениями выступал о мере необходимости, время от времени в телевизионной интерактивной передаче «Три часа Самого Большого», общался, как он выражался, с народом, выслушивал жалобы, проявлял сочувствие, говорил «все обойдется, не переживайте», рассуждал на философские темы, делился впечатлениями от своей новой жизни, но со временем все же потерял интерес к руководству. Управлять ему не хотелось, не было на это ни сил, ни желания, все чаще втайне от телохранителей убегал в старый подвал, где находился архив, садился за свое рабочее место, перебирал пропавшие временем бумаги, а однажды и вовсе учудил: сбежал к старому другу на свадьбу, затеял там драку и вернулся с порядочным синяком под правым глазом. Сам особо не расстроился, но телевизионную передачу с его участием, которая уже была включена в программу, и встречу с послами стран, входящих в Великую Девятку, пришлось отменить. Чуть до международного скандала не дошло, удалось уладить дело только благодаря решению правительства о дополнительных поставках нефти. Что же касается телевизионной передачи, то следующую пришлось сделать шестичасовой – в два раза большей по времени, чтобы компенсировать людям моральный ущерб.

Архивариусу не удавалось осуществить лишь одну мечту: в своем теперешнем положении он никак не мог себе позволить хотя бы разок сходить в свое излюбленное место – пивной бар с поэтическим названием «Янтарь», где подавали янтарного цвета пиво. Этот бар был настолько особый, что казалось, будто его сюда перенесли из какой-то волшебной страны. Он располагался в довольно просторном подвальном помещении, куда солнечный свет не проникал, а электрическое освещение было столь мягким, что человеку, попавшему сюда, никуда не хотелось уходить. Вместо столов стояли большие бочки из под пива, а вместо стульев – бочки поменьше с маленькими мягкими подушечками. В это круглосуточно работающее заведение, где всегда играла тихая, ненавязчивая, не отвлекающая, органично вписывающаяся в обстановку музыка. Людей привлекал в определенной мере интерьер, но славился бар главным образом своеобразной кухней. Здесь не было никаких спиртных напитков, пиво же предлагалось

по сезону: в теплое время года – легкое и светлое, зимой – темное и густое. Складывалось впечатление, что бар прививает вкус своим клиентам, в некотором роде даже диктуя им собственные правила. Судя по количеству посетителей, их это вполне устраивало, многим очень даже нравилось, хотя не было случая, чтобы кто-то уходил из этого бара перебравшим. То ли сама атмосфера настраивала на сдержанность, то ли подаваемые здесь блюда не позволяли увлекаться многочисленными сортами хмельного напитка в большей степени, чем дозволялось нормами приличия, но даже разговаривали здесь на высокие темы, читали не газеты, а стихи, рассказывали не сплетни и не анекдоты, а притчи, и если пели, то очень тихо, для себя. Еда в баре была отменная: кроме приготовленных особым образом морепродуктов и свежесваренных речных раков можно было заказать блестящие от микронных кристалликов соли перченые баранки, пожар от которых на языке могло потушить только здешнее пиво, тающий во рту соленый горох особого сорта, сваренный в течение строго определенного времени и подаваемый с небольшим количеством постного масла или еще и жаренный на глубокой сковороде без каких-либо добавок. Те же, кто был настроен более серьезно, могли полакомиться бараными ребрышками с барбарисом и алычовой приправой, запеченными свиными ножками, выдаваемыми здесь за мясо дикого кабана, но не становящимися от этого менее вкусными, и местным кулинарным шедевром, считавшимся многими гурманами верхом совершенства, – кусочками маринованной в луковом соке молодой индейки, хорошо прожаренными на открытом огне.

Вот в этот бар архивариуса не пускали, как бы он ни просился, – бывший продавец арбузов, которого он назначил ответственным за кадровые вопросы, категорически, под страхом немедленного увольнения, запретил советникам и телохранителям даже упоминать при нем о существовании этого заведения, а водителям приказал объезжать место расположения бара за четырнадцать километров. Архивариусу же дал слово создать прямо в Резиденции аналог бара, даже возможных посетителей обещал подбирать так, чтобы все было как в «Янтаре». У него были свои резоны – ревновал, ведь в баре архивариус мог встретить старых, в определенной мере забытых собутыльников, среди которых было немало толковых парней, и в следствие этого боялся за свое место: мало ли к чему может привести восстановление отношений со старыми друзьями.

Между народом и руководством Страны во все времена лежала пропасть, преграда, которую народ не мог переступить, но иногда переходила власть, и не всегда с благими намерениями, поэтому при архивариусе люди быстро привыкли к тому, что в их жизнь никто не вмешивается, довольно скоро разобрались и начали просто жить. Архивариуса это тоже устраивало, к тому же он оказывался прав в том, что все обходилось и не приходилось особо заморачиваться. Постепенно все налаживалось, кто-то возвращался к примитивному земледелию, чтобы заново начать эволюцию хозяйственной деятельности, кто-то – к скотоводству, кто-то уходил в собирательство и охоту, учителя становились репетиторами, композиторы – бродячими музыкантами, ученые ударились в мистику, занявшись алхимией и астрологией, останавливались заводы и фабрики, бандитам стало некого грабить и они легли на дно, решив обдумать новую обстановку. Даже море стало возвращаться, стыдливо прикрывая все те места у самой красивой в мире, на взгляд аборигенов, конечно, Набережной, которые когда-то оголило, и возвращалось еще более синим, что радовало людей, особенно молодых, – те из них, которые были влюблены, просто не уходили с берега, сутками стояли у кромки воды, целомудренно взявшись за руки и вглядываясь в спокойную, как сон младенца, синеву.

Те удивительные времена проходили у него перед глазами, и он не мог понять, как архивариусу, к тому же младшему, который вообще ничего не делал, никакой политики и никаких технологий не придерживался, просто жил, только при очень острой необходимости отвлекаясь на вопросы, связанные с руководством Страной, воспринимая их как бремя, удалось за кратчайшее время разрушить все столь долго и за счет пролитой крови и пота, потраченных ума и энергии выстраданное, созданное, сотворенное многими поколениями социально

активных людей – мыслителей, революционеров, мятежников, героев, авантюристов, борцов за справедливость, свободу, равенство и демократию, социалистов, анархистов, монархистов, многих других известных достойных внимания истории персон, даже не заметив и не поняв, что уничтожается и почему люди, которых часто называют народом, молча взирают на то, что все уходит.

Он еще не чувствовал, что находится в барокамере, ему казалось, что парит над временем, что ему дано еще одно преимущество над всеми остальными обитателями земного шара, а в это время его единственная дочь давала интервью не по ситуации игриво настроенному иностранному тележурналисту, и в прямом эфире кричала на весь свет, что никогда не поверит в смерть отца, он не может умереть, потому что не смертен, без него, без его участия в мире не может случиться ничего, он же с высоты своего положения, где не осталось ни одной хоть в какой-то мере стоящей ценности, смотрел на то время, когда на его Малой родине власть лежала на земле, посреди дороги, оказавшись ненужной никому, и все через нее переступали, не замечая и не понимая ее ценности.

Тогда он сидел дома у сестры, вдали от Столицы, забытый всеми, кроме людей, входивших в Сеть, не способных на инициативу и ждавших от него решения, и все обдумывал, как взять власть. Можно было банально нагнуться и поднять ее, но это было не в его правилах, да и могло привести к непредсказуемым последствиям, можно было дожидаться выборов и баллотироваться, но шансов против архивариуса, который абсолютно ничего не делал, чтобы удерживать власть, как это ни странно, у него не было. Рейтинг архивариуса поднялся после того, как однажды во всей Стране стали расти цветы, какие никогда здесь не росли, самые причудливые и красивые, с диковинными названиями, привлекая огромное число иностранных туристов, среди которых было много знатоков и коллекционеров. Некоторые из них утверждали, что обнаружили среди цветов совершенно новые виды, не имеющие названия и не зарегистрированные ни в одном каталоге. Цветы росли повсюду: на асфальте, подоконниках и крышах домов, стадионах, мусорных свалках, у онкологических диспансеров, на кладбищах, и даже там, где их никто не мог видеть. Места общего пользования заросли глициниями и хризантемами, задворки домов, куда мало кто заглядывал, застилали орхидеи, купола храмов затянулись полевыми цветами, единственное искусственное море исчезло с глаз за множеством лилий, а рукотворных прудов, вырытых когда-то для выращивания рыбы и затем из-за несоблюдения элементарных санитарных норм превратившихся в болота, и даже рек, по которым текли нечистоты, и озер, давно уже превратившихся в хранилище радиоактивных отходов, не стало видно под зарослями лотоса. Цветы росли повсюду, больше всего было роз, не тех крупных, которые ничем не пахли, кроме гидропоники и земли, пропитанной химическими удобрениями, а маленьких, божественно благоухающих, особенно в утренние часы, перед тем как раскрыться навстречу солнцу, и в сумерки, прежде чем свернуться в девственные бутоны. Над страной витал запах цветов, каким-то странным образом не смешивающийся ни с какими другими запахами, озаряющий лица всех, даже нищих, бездомных, обездоленных во всех смыслах слова, потерявших во времени и пространстве, вникал в души, как сигнал с других планет, прояснял умы, внедрял надежду, приносил веру, пробуждал любовь, возвращал ушедших, успокаивал обиженных, мирил поссорившихся. На глазах у всех запах менял мир, самое же странное заключалось в том, что люди понимали, что с ними происходит, они становились лучше и добрее, чувствуя себя частью природы, земли, неба, космоса, как леса, горы, моря и океаны.

Тогда нашелся человек, может быть, один-единственный, кто не видел, не замечал ни цветов, ни запахов, который решил нагнуться и поднять власть. Это был наркоторговец, имевший в своем лексиконе сто тридцать два слова, в том числе иностранного происхождения, треть из которых были матерными. Ими в основном наркоторговец и пользовался, да так эффективно, что сумел создать внутри Страны собственное государство с весьма развитой инфра-

структурой – прекрасно работающей системой получения сырья, его переработки и сбыта в виде готовой продукции, наладил связи с коллегами со всех близлежащих стран, среди которых оказался министр оружия Немаленькой страны, который и надоумил его взять власть – мол, все равно здесь никому ничего не надо, а так ты будешь Самым Большим, организуем на базе Страны предприятие, легализуемся, заработаем наконец без оглядки на закон, на полицейских, среди которых нет-нет да попадаются играющие в честность – и обещал снабдить оружием, даже тяжелой техникой. Да ты не переживай, говорил он, даже стрелять не придется, не в кого, вся армия тут – это пара десятков телохранителей, как только увидят танки, разбегутся.

Так и вышло, с командой не возникло проблем, на пару дней прекратили поставку наркотиков, тем, кто приходил за товаром, сказали подойти к конкретному месту в конкретное время за бесплатной дозой, так и собрали армию. Спустя лишь семнадцать дней после разговора с другом-министром наркоторговец въехал в Столицу на танке и в форме маршала, и тут же запретил все существующие газеты, телевидение и радио. Зачем нужны газеты, я сам все скажу, зачем нужно телевидение, все и так видно, говорил наркоторговец, хотя все не решался войти в Резиденцию, а тот, младший архивариус, значит, немного понаблюдав за происшедшим из своего окна, закрыл кабинет на ключ и удалился к себе в подвал. И только когда группа старейшин, придя к нему за советом, обнаружила закрытый кабинет и забила тревогу, все проснулись и, не найдя ничего лучшего, первым делом бросились искать помощи у соседей. Но те отвернулись, из-за абсурдности ситуации делая вид, что их это не касается. Такие вещи по их разумению не могли происходить сами по себе, все полагали, что за этим кто-то стоит, и никто не решался даже на официальное заявление. Лишь лидер одной из северных стран сказал, что примет любой выбор народа. Люди поняли, что им идти не к кому.

Это было временем отсутствия всякой логики, но те события имели внутреннюю, не видимую никому, кроме него, логику. Сейчас, спустя много лет, никто бы не поверил, что человек, лежащий в барокамере практически без чувств, тогда совершил подвиг, достойный быть вписанным в историю золотыми буквами. Первым делом он показался, дал о себе знать, напомнил о себе, и для начала этого оказалось достаточно. Не обошлось, конечно, без Сети, его люди, до сей поры ждавшие команды, бросились во все уголки Страны, чтобы выполнить его приказ – донести до людей, до всех и каждого одну-единственную истину: спасти всех может только он, и никто больше. И спустя всего лишь сутки после этого народ буквально бросился кланяться ему в ноги, прося взять власть, а он, сославшись на старость, усталость, болезни и многое другое, сначала отказался. Только когда все население, включая детей, стариков, женщин, радикалов, умеренных, вчерашних его противников, непримиримых врагов, попросило его выйти из тени, прийти и властвовать, огласил свое условие, при котором мог бы согласиться: все, абсолютно все должны собраться на Главной площади к конкретному времени, и я приду, сказал он. И когда пришел, на площади были все, кроме архивариуса, который так увлекся старинными рукописями, что забыл о происходящем. Но и без него площадь напоминала колыхающееся море, миллионы людей собрались на одном клочке земли, чтобы попросить его стать над ними.

Иностранный министр не подвел наркоторговца-мятежника, самолеты-истребители без опознавательных знаков не переставая резали небо над площадью, вертолеты барражировали, иногда заходя над толпой, но танков уже не было видно, они были со всех сторон облеплены людьми, сторонники наркоторговца, получив свои дозы, успокоились и воспринимали происходящее вокруг как праздничное действо. Наркоторговец, не ожидавший подобной реакции населения, стоял потерянный, виду старался не подавать, хотя и забыл, зачем все затеял, не помнил даже слов, которые знал.

Он же, оглядывая площадь, понимал, что происходит, не стал идти на обострение ситуации только потому, что некоторые обстоятельства пока оставались для него тайной за семью

печатами – не мог уяснить, кто все-таки стоит за мятежником, что его связывает с иностранным министром, насколько серьезно тот задействован или заинтересован в происходящем, по чьей указке действует, а если по своей инициативе, то что им движет. Приобняв наркоторговца левой рукой за плечо, он поднялся с ним на трибуну и сразу же начал говорить. Говорил он, вглядываясь в толпу, в глаза людей, буквально каждого из миллиона человек, чтобы видеть их реакцию, самолично удостовериться в том, что его слова доходят до адресатов. Говорил, с удовлетворением замечая, с каким вниманием вслушиваются в его голос, в слова, произносимые им с расстановкой, бедные крестьяне из равнинных провинций, одинаково плохо одетые и одинаково гордые горцы, задумчивые нефтяники и энергетики, недоверчивые, но способные поддержать и оправдать любое действие власти интеллигенты, наивные школьники старших классов, студенты, готовые встать на чью-либо сторону, лишь бы было весело, красивенькие, все как один рыжие ученики музыкальной школы со скрипками без футляров, милые дети, смотрящие больше не на него, а на своих отцов и матерей, и все же улавливающие связь между его персоной и глухой тревогой, которой веяло от родителей, женщины-матери, молящие всевышнего, чтобы все это (подразумевая все, что могло закончиться пролитой кровью) поскорее закончилось. Замечал городских сумасшедших, которых когда-то пытался завербовать в ряды своих осведомителей, для чего даже целую систему придумал, проституток, лущающих семечки и время от времени поглядывающих на окружающих мужчин в поиске клиентов, и даже животных, бродячих собак и кошек, вечных обитателей большого города, к которым здесь всегда было особое, несколько пренебрежительное, но в то же время трепетное отношение – внимания им не уделяли, но их никто и никогда не трогал, видимо, поэтому они ни у кого ничего не просили, но и не боялись.

Площадь слушала слова, которые хотела слышать, в которых нуждалась и которые приносили ее душе успокоение. Не слушал его лишь наркоторговец, все еще надеявшийся, что вот-вот произойдет чудо и все изменится, прилетит друг-министр и все встанет на свои места, а этот непонятный, но чем-то сосредоточивший на себе внимание огромной толпы, одним своим приходом превративший целую революцию в народное гулянье старик, которому удалось одним взглядом выдавить из него всю его уверенность, основанную на долгой безнаказанности, уберется восвояси. Или с самолетов и вертолетов откроется огонь, который сметет всю эту глупую толпу, странного старика, повернет ситуацию вспять, возвратив ему силу, которой он лишился как-то незаметно и бесшумно. Надеялся последней надеждой, держащейся на тоненькой ниточке неосведомленности и непонимания, на убежденности, что так не бывает, хотя все вокруг говорило, утверждало, даже кричало: бывает! Наркоторговца посещали смутные догадки, что наказание неизбежно, какое и за что, он понять не мог, но мысль, что грядет что-то очень нехорошее для него, что происходящее может для него закончиться печально, сама собой впитывалась в его мозги. Для него старик, стоявший рядом с ним на трибуне, говорящий голосом, полным металла, был почти никем. Так, фигура, занимавшая в пору его далекого детства самый высокий на Острове пост, известная, да, но мало что значащая – когда это было, все уже давно забыто, да, он потом занял еще более высокий пост уже в масштабах Страны, но все уже ушло, сейчас другие времена, наши времена, чем он может взять, на что надеется. Так думал наркоторговец, хотя и какой-то одной извилиной, не столь прямолинейной, как остальные несколько, осознавал, что хорохорится сам перед собой.

А он все говорил, вставляя как в старые добрые времена в свою речь слова вроде «справедливость» и «братство», вызывая этим молчаливый восторг толпы. Понимая, что людям нужны слова, но они ждут и решения, не стал затягивать выступление и объявил, что готов брать на себя бремя власти, но только демократическим путем, должны состояться выборы на основе свободного волеизъявления народа, который и скажет свое слово, а пока он принимает на себя обязанности Самого Большого начальника и на правах высшего должностного

лица назначает наркоторговца главой правительства. Конечно, он не говорил «наркоторговца», а называл того своим младшим братом.

Площадь взорвалась от восторга аплодисментами, от шквала оваций посыпались стекла в близлежащих домах, и через две минуты после того, как он произнес эти слова, самолеты и вертолеты, летящие над площадью, улетели, начали поступать телеграммы с поздравлениями от руководителей самых разных стран, даже тех пяти, что из-за некорректного выступления архивариуса прервали со Страной дипломатические отношения. Все они выражали свое восхищение проявленными им смелостью и мудростью и удовлетворение тем, что все так благополучно завершилось. Так состоялось его последнее возвращение к власти. Последнее потому, что уход в забытие он ни за что не стал бы считать уходом из власти.

Будь он способен испытывать подобные чувства, то был бы благодарен своим предшественникам, всеми своими действиями проложившим дорогу для его возвращения. С того времени, как его пригласили на одну из высочайших должностей Страны, их здесь пребывало целых четыре, включая архивариуса. Первый был ярым спортсменом, интересовался всеми без исключения видами спорта, но сам увлекался гольфом, и так как в те времена в Стране практически никто не знал, что это такое, то слыл тут лучшим гольфистом. Его он довольно часто и с досадой вспоминал еще находясь в опале – гольфист был его ставленником, более того, бывшим осведомителем, из тех, кого он подбирал с городского дна, и как ставленника всячески оберегал, и пока он был среди Больших, тот верой и правдой служил не народу и не Стране, а именно ему. Так было принято, да и гольфист был не дурак, понимал, что иначе ему не удержаться не только в Больших, но и вообще в начальниках. Вот и звонил каждый день по несколько раз, придумывая предлоги, чтобы не показаться навязчивым, если не удавалось дозвониться лично ему, то звонил жене, сюсюкал с детьми, присылал подарки – то драгоценные камни и ранние овощи, то крабовое мясо и черную икру, а то и свежеприготовленное блюдо какое-нибудь, – и все это военными самолетами, чтобы все дошло свежим и в целости и сохранности. Пытался угодить, да и подражать своему высокопоставленному покровителю, сделал несколько попыток создать свою сеть, хотя и не понимал, для чего это ему нужно. При встречах рассыпался в комплиментах, изображал абсолютную покорность, но ни разу не позвонил, когда его «ушли», выбросили, столкнули в одночасье со всех позиций и он якобы на нервной почве попал в больницу, да и после болезни, когда оказался в изоляции, и его никто, кроме коменданта, не посещал. Именно гольфиста он простил, не сказал ему, что простил, просто внутри себя забыл все, а тот все переживал в ожидании расправы, сначала делал вид, что умер, чтобы избежать наказания, а потом и по-настоящему умер, не оставив после себя ничего, даже детей, которые давным-давно уехали за границу и прервали с родиной всякие отношения. Похоронили его как бездомного, умер-то он не дома, а на гольф-площадке, построенной за счет государственного бюджета и объявленной в свое время стройкой века, которую покойный считал делом жизни и своим неоцененным подарком Стране, все надеялся, что рано или поздно народ поймет. А неблагодарный народ так и не понял, в ответ просто стер из своей памяти тот факт, что когда-то над ним начальствовал такой человек.

Ко второму своему предшественнику, времена которого были не менее интересными, он особого отношения не имел, если не считать того, что в молодости, в бытность свою куратором организации, где тот работал, пытался его завербовать в осведомители. И завербовал бы, но того отправили в долгосрочную командировку, и так получилось, что их пути в дальнейшем ни разу не пересекались. Тот рос по дипломатической линии, не столь удачно, как хотелось, но все же дослужился до посла. Долгие годы проработал за границей, в основном нес службу в так называемых банановых республиках. Увлекался наукой, был почетным членом многих академий, в меру сил меценатствовал, выделяя часть собственных средств на развитие двух научных учреждений. Правда, средства были не ахти какие, но очень этим гордился и в разговорах с кем бы то ни было обязательно упоминал об этом. Среди сослуживцев он имел репу-

тацию человека чудаковотого, скорее благодаря своему внешнему виду, чем меценатству: был мал ростом, лысоват, носил длинные бакенбарды, чем-то смахивал на пирата, хотя по характеру был довольно милым человеком. Как посол попал в Самые Большие, не было ведомо никому, работа в качестве высокопоставленного лица была ему явно в тягость, не знал, что делать, что от него требуется, поэтому прикрывал незнание диковинными идеями. Несмотря на увлечение наукой и долгое пребывание за границей на такой высокой должности, как посол Страны, почему-то понятие «банановая республика» напрямую ассоциировал именно с бананами, а так как с банановыми республиками у него были связаны приятнейшие воспоминания – в них в качестве весьма уважаемого человека он провел почти практически всю свою сознательную жизнь – то предлагал посадить бананы по всей стране, превратить ее в монокультурную территорию. Вам понравится, говорил он в своих ежедневных обращениях к народу, это не мандрагора и не виноград, это такая вкуснятина, ничего лучше вы никогда не пробовали. Даже выписал несколько кораблей с бананами, чтобы бесплатно раздать людям, ведь многие из тех, к кому обращался с призывом к бананизации страны, понятия не имели, что это за фрукт. Пришлось организовать несколько телевизионных передач, где он самолично учил население есть бананы, уговаривая металлургов, газовиков, морских нефтяников, бродячих актеров, конструкторов, специалистов по квантовой математике и особенно безработных и домохозяек оценить вкус этой заморской диковинки.

Бывший посол все рвался говорить с народом напрямую, как он говорил, с глазу на глаз, свои телеобращения начинал с фразы «господин народ», вызывая приступы хохота у зрителей (переходящих у некоторых из них в горькие рыдания), перебивающихся с хлеба на воду и не в последнюю очередь по этой причине не ассоциировавших себя со словом «господин», или бывало, прикажет остановить лимузин посреди города и давай приставать к прохожим: как живете, на что жалуетесь. Как ни странно, его мало кто узнавал, поэтому иногда отвечали довольно грубо, мол, ты что, врач, что ли, какое тебе дело, на что я жалуюсь. Были случаи, когда дело доходило до неприятностей, да так, что приходилось вмешиваться охране. О нем ходило много анекдотов, в основном неприличных, но в целом люди относились к нему терпимо, как к человеку безобидному.

Может быть, у него что-нибудь да получилось бы, но те времена для Страны были периодом безмыслия, дойдя до одного из многочисленных перекрестков истории и запутавшись в нем, она не знала куда идти, и решила для поднятия тонуса спровоцировать маленькую заварушку. Но с соседями воевать было бы непредсказуемым и чреватым последствиями, да и дорогим занятием, к тому же тогдашний Самый Большой начальник Страны, страдающий диареей и не в последнюю очередь по этой причине склонный к быстрым решениям, дорожил своей репутацией перед мировым сообществом. Он, по предложению мудрых советников, решил наказать кого-нибудь из своих, во-первых, для профилактики – давно никого публично не наказывали, во-вторых, надо же что-то делать, а то слишком уж долго без дела сидим, ну и чтобы другим неповадно было. В Стране подобные дела практиковались, но обычно на уровне высовывающихся личностей, трудовых коллективов, претендующих на то, на что не полагалось претендовать, а вот на уровне народов, подобное, как Самый Большой это называл, мероприятие проводилось впервые. Выбор пал на Остров – народ тут был известен импульсивностью, да и бывший посол не должен был подвести – был в доску свой. Все же не стали его предупреждать, отключили электричество, в течение нескольких дней люди оставались без воды, газа, транспорта, света, горячей пищи, радио, телевизора и даже газет – ведь все на электричестве работало. Народ, как водится, начал роптать. Тогда пустили слух, что всю энергию мистическим образом высосали соседи, когда же самые любопытные собрались и пошли разбираться, объявили это бунтом. Параллельно Самый Большой начальник Страны выступил на съезде слесарей турбинных котлов и заявил, что, по его сведениям, на Острове

окопались инопланетяне с невероятно злыми намерениями, ничего не стал по этому поводу предлагать, только многозначительно крикнул в зал, мол, мы этого так не оставим.

Так вот, когда мероприятие то ли по подавлению бунта, то ли по выявлению инопланетян началось с участием отборных армейских частей, тяжелой техники, химических войск и прожекторных войск (дело было зимой и рано темнело), но без применения стратегической авиации и ядерных бомбардировок, любитель бананов позвонил Самому, чтобы спросить, должен ли он сопротивляться – помнил, что в подобных случаях в банановых республиках сопротивлялись. Трубку взяла секретарша, выслушала вопрос и замолчала. Тот, прислушиваясь к молчанию телефона в течение тридцати восьми минут под звуки выстрелов, детского плача, предсмертных криков соотечественников, решил действовать самостоятельно. Собрал подчиненных, кого на тот момент можно было собрать, объявил, что все происходящее – Большая Политика, что никто не имеет права в такой ответственный для родины момент сидеть сложа руки, и просил всех сохранять спокойствие. Как можно было сохранять спокойствие под непрекращающимся артобстрелом, объяснить не успел: его по высшему приказу вызвали в срочном порядке в ближайшую военную базу и вывезли в Столицу.

Операция прошла более чем успешно: жертв оказалось столько, сколько планировалось, цели практически были достигнуты, все было сделано аккуратно – убитые так и не поняли, что они убиты, раненым оказали своевременную медицинскую помощь, пропавших без вести быстро пересчитали и по ним оперативно отчитались, чтобы никому в голову не пришло их искать, в общем, народ особо не пострадал, к тому времени, как основная масса населения проснулась, вся кровь с улиц, крыш, окон была смыта, а солдат переодели в мирные одежды. Не была достигнута лишь одна из целей операции – чтобы другим неповадно было.

А бывший посол, когда пришлось подать в отставку в интересах Большой Политики, почувствовав, как ему от этого полегчало, решил уйти со всех своих постов, бросил свои почетные звания, общественные должности, сдал ордена и медали в ближайший музей и подался в театралы. Отпустил длинные волосы, бороду а-ля «морской волк», стал носить на среднем пальце левой руки громадный перстень с надписью «Ищу», которую придумал сам и очень этим гордился. По большому счету, особых перемен в нем не произошло, бывший посол и раньше был склонен к эксцентризму, единственно, что в нем удивляло, это нежелание что-либо рассказывать о своем прошлом. Складывалось впечатление, что он все забыл, причем амнезия обнаружилась еще по пути в Столицу. Так и прожил всю оставшуюся жизнь в абсолютно безмятежном состоянии.

Точно так же забыли и о нем. Спустя всего пару дней после его вынужденного ухода с должности на Острове никто – ни подчиненные, ни те, кого считали его друзьями, ни тем более население – не помнил о нем ничего. Было начисто забыто время, в котором бывший посол руководил страной, но непостижимым образом через несколько лет у жителей проснулась ничем не объяснимая любовь к бананам, такая, что авторитетные международные эксперты именно их объявили лучшими специалистами по этому представителю заморской флоры.

Следующим предшественником был единственный чиновник Острова, который в дни «заварушки» находился в служебной командировке за границей и таким образом оказался вне любых подозрений. Нет, никто никого винить не собирался, многие начальники даже кровь со своих одежд смывать не стали, мол, мы тоже там были, но из чисто формальных соображений решили не рисковать – достойных на высшую должность было немало, но лучше взять того, кто чист по всем показателям. Времена наступали непростые, среди населения нет-нет да и находились те, кто заявлял о своем существовании вслух.

Новый избранник надежды высокого начальства оправдал, свою инаугурационную речь начал и спустя три часа восемнадцать минут закончил выражением «Жизнь продолжается». Мол, убитые убитыми, раненые ранеными, а пропавшие без вести вовсе не известно где бро-

дят, погуляют, – придут, никуда не денутся, а вот мы, невзирая ни на что, должны продолжать дело своих отцов. Какое дело, не стал уточнять, хотя всем как раз это хотелось узнать, отцы-то дел натворили порядком, но выражение быстро стало крылатым. По всему Острову среди чиновников началось соревнование, кто чаще использует эти два слова в своих речах, некоторые и во сне их повторяли, тем более, что жизнь, и правда, продолжалась. Но автор слов, будучи не лишенным творческой жилки, на этом не стал останавливаться, объявил сорок дней траура по погибшим, в течение которого, как он говорил, мудрый народ не должен себе позволять лишних вопросов, и предложил жертв трагедии, как самых дорогих покойников и национальных героев (хотя среди убитых было несколько годовалых детей, беременных женщин и вот-вот собиравшихся умереть своей смертью глубоких стариков), похоронить в Столице, чтобы удобнее было посещать их могилы. Кладбище разбили посреди города, прямо напротив Набережной и той точки в море, где когда-то стояла Блуждающая буровая установка, записали его в места паломничества и объявили обязательным для посещения всеми, кто приезжал на Остров. В день сороковин, когда высокопоставленные и не очень ораторы, известные писатели и поэты (композиторам и художникам, как любимчикам предыдущего Самого, слово не стали давать), сменяя друг друга на тщательно симпровизированной трибуне, объявляли виновной в происшедшей трагедии какую-то третью, стороннюю силу, намекая, что в отношении окопавшихся на Острове инопланетян Самый Большой, хоть и отчасти, но был прав, так что следует продлить время траура до года на тех же условиях, что и до этого, то есть, исключая любые протесты, тем более митинги, демонстрации и шествия. Если не углубляться в подробности, то все свелось к тому, что, конечно, забыть трагедию не удалось, но общими усилиями из нее сделали акцию, каждый год отмечая день, когда она произошла, как черную дату в жизни Страны, а через несколько лет этот день объявили праздником Пробуждения народа, спустя пару десятилетий народ и сам поверил, что он когда-то просыпался.

Единственное, что омрачало настроения всех без исключения обитателей Страны, включая туристов, были призраки, расплывшиеся после операции в невероятных количествах. Особенно докучал жителям один из них, который утверждал, что слеп от рождения и никому ничего плохого не сделал, и все спрашивал, за что его убили. В отличие от других призраков слепой появлялся только в светлое время суток, объясняя это тем, что днем хоть что-то может разобрать, а ночью ничего не видно, и конкурентов ходит много. Другие призраки вели себя более спокойно, даже иногда стыдили слепого, мол, у тебя хоть могила есть, мы-то вовсе без вести пропали и блуждать нам по этой земле до тех пор, пока нас не найдут и не похоронят. Призраки особенно надоедали работникам государственной службы, они безошибочно находили в толпе тех, кто имел какое-то отношение к бюрократическому аппарату, независимо от уровня занимаемого поста, приставали даже к тем, кто когда-то работал во властных структурах, но уже давно отошел от дел – уволили, сам ушел, вышел на пенсию, мало ли что бывает с людьми, – и задавали один и тот же вопрос: когда их начнут искать? Дошло до того, что из-за них чиновники с наступлением сумерек перестали выходить на улицу, можно бы выходить в светлое время, когда призраки прятались в темных подвалах, но днем чиновники были на работе. Дело чуть не обернулось серьезными политическими и социальными последствиями. Чиновники и так немного знали об особенностях жизни населения, а тут из-за призраков вовсе оторвались от реальности, начали принимать такие законы и национальные программы, что хоть стой, хоть падай, то пчеловодство сделают стратегической задачей, то деньги заменят на жетоны, то запретят ездить на автобусах в дождливое время года, чтобы те не пачкались.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.